

ДАХА ТАРАТОРИНА

ИРА

Враки

Даха Тараторина

Йага

«Автор»

2023

Тараторина Д.

Йага / Д. Тараторина — «Автор», 2023 — (Враки)

Не ходи в тёмный лес! Не слушай плача мертвянок, не доверяй златым огням. Не отзывайся, коли кто-то по имени окликнул. И не гляди, не гляди в глаза лесной ведьме! Заворожит, заколдует так, что покой и сон позабудешь. Зверем у ног её ляжешь, мать и отца в лицо не узнаешь. Останешься в чёрном ельнике, у избы на высоких курах, а вместо слов человеческих по-звериному взвоешь. Не ходи, не ходи в тёмный лес, иначе полюбишь хозяйку чащи! Цикл однотомиков "Враки". Вселенная "Хозяина болота".

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Даха Тараторина Йага

Пролог

– Прости, серденько моё! И жена-то из меня вышла некудышная, и мать не лучше...

Дочка глядела на неё внимательными жёлтыми глазами, будто всё понимала. А куда ей понять, младенцу невинному? Мать и сама-то не ведала, что творит.

Она брела по лесу, качаясь. Сколько-то уже куска в горло не лезет, сколько во рту ни капли не было? Уже и молоко давно пропало – нечем ребёнка кормить. А ребёнок и не жаловался. Девочка не плакала. Молчала и смотрела. И так смотрела этими своими колдовскими глазами, что лучше бы вовсе сгинула!

Она, а не любимый...

Желана родила поздно. Ни отец, ни мать, рано ушедшие в Тень, внуков не дождались. Да и, сказать по правде, не сильно-то кляла за это судьбу. К чему ей, красавице, дитя? Рядом ведь милый! Души в ней не чаёт, на руках носит, белые ручки работой мозолить не позволяет!

Но всё ж не хватало ему чего-то. Нет-нет, а спрашивал, заведут ли ребёночка. Желана и сдалась. Да боги посмеялись: столько она молилась, чтоб чрево ненароком не отяжелело, что теперь передумывать и одаривать её чадом не собирались.

Где-то совсем рядом взвыл волк, и Желана вздрогнула. В ночной тишине далеко разносился скрип деревьев, шептались о чём-то, ей неведомом, листья. Далеко будет слышен и крик несчастной женщины, выскочившей в лес в одной рубашке и с младенцем в объятиях.

– Прости меня, кровиночка...

Она прикрыла личико дочери краем одеяльца: та глядела на неё неотрывно, точно и не живая вовсе. И от взгляда этого делалось страшнее, чем от волчьего воя.

От взгляда этого Желана ночей не спала, кошмарами мучалась, от него, видно, и умом повредилась. Да и кто бы осудил вдову?

Пуще неё о ребёнке молился муженёк. Тризны приносил, к бабкам ходил, спать ложился ногами к печи – всё как деды учили, чтобы жена понесла.

Никак.

Совсем милый ополоумел. Пошёл в чашу, упал на колени перед вековым дубом, коснулся теменем бурого выступающего над землёю корня.

– Всё возьми, хозяин тонколистый! Всё возьми! Ты кормишь зверей и птиц, ты силу родишь невиданную, ты тайны хранишь неслыханные. Всё возьми, но одари меня наследником!

И лес взял. Взял всё, что предлагал ему проситель, а после взял и ещё больше.

Не стало хозяйства, сгорел овин, полегли коровы. Не стало и самого Огонька. Сгорел, как лучина. И на другой день после того, как заколотили смертный короб, Желана почуяла под сердцем ношу.

Она брела, не разбирая дороги. Не шарахалась от ночных хищников, шуршащих в зарослях. Не чуяла холода и голода. Да и ничего уже не чуяла, с самого рождения дочери. С самого того страшного дня, как увидела лес в её глазах вместо бесконечной синевы мужниных очей.

Дуб стоял на прежнем месте. Что ему, дубу? Он стоял здесь раньше, чем родился прадед Желаны, останется стоять и тогда, когда она сама по земле ходить перестанет. Быть может, случится то совсем уже скоро.

Она развернула одеяльце. Дочь и не поёжилась – ей ночная прохлада была что платок шерстяной. Коснулась губами лба младенчика и опустила в густую траву. Припала на колени, прильнула теменем к выступающему над землёй дубовому корню.

– Забери! Забери свой дар! – Казалось, все слёзы Желана выплакала, ан нет – покатились по щекам, горячие. – Забери, что дал, и верни мне милого! Не жить мне без него, не радоваться солнышку!

Но дуб ничего не ответил. Не ответил и лес, только, кажется, темнота, обступившая женщину, стала гуще.

Она до боли закусилась себе руку, чтоб не закричать. Потянулась к дочери... отдернула пальцы.

Повернулась и пошла, не оглядываясь.

Оттого не увидела, как мягкая чернота укутала ребёнка, как зашевелились, выпутываясь из корней, лохматые нечистики, как устроилась на груди у ребёнка и завела песнь старая жаба.

Она брела по лесу, качаясь, и не чаяла выбраться.

Глава 1

Лесная хозяйка

Семнадцать лет спустя

Лес не то чтобы считался гиблым местом, но ходить в него без надобности всё ж опасались. А уж в такой час, когда мёртвый лунный свет обливает нагие деревья, когда поганки мерцают ядовитыми слезами, когда всякий скрип ветки чудится плачем русалки...

Вот только бредущая по чаще девица леса не страшилась. Не страшилась она и ползучих гадов, что пока не успели спрятаться на зиму в норы. Шла босиком.

Голодные волчьи глаза, наблюдающие за нею из-за облезлого орешника, девица приметилла, но даже с тропы не свернула. Лишь ответила зверю прямым чистым взглядом, и тот склонил ушастую голову, приветствуя молодую госпожу леса.

За девицею следом ползли тени. Чёрные, тягучие. Лунный свет не мог прогнать их, серебряные лучи заплёбывались во мраке. Они следовали по пятам, готовые вцепиться в босые ступни, лишь только девица замедлится.

Цап! – и нету беспечной красавицы. Запачкает чернотой загорелую кожу, зальёт пышные волосы, упавшие на открытые плечи.

Девица остановилась поправила ворот рубахи не по размеру, что всё норовил свалиться. Подумала и подвязала подол юбки к поясу – не запакнать. Тени позади неё замерли тоже. Почтительно подождали и вновь потекли за госпожой, когда та свернула к трясине.

Босые ноги звонко шлёпали по мокрому мху, болотце чавкало, неохотно выпуская добычу, но всё ж подставляло под каждый шаг кочку, чтобы девица ненароком не угодила в бочаг.

– А вот ты где!

Позабыв, что не хотела портить одежду, девица плюхнулась на колени и протянула руки к жирной бородавчатой жабе. Та деловито надула щёки и переступила лапками, и не думая убегать от человека. Да и не человеком вовсе была девка, кому как не болотной обитательнице то знать!

– Ну ходи ко мне!

И жаба послушалась. Сцапала длинным языком комара да и сиганула одним длинным прыжком в подставленные ладони.

– Угостишь, хозяйюшка?

Жаба покрутилась, устраиваясь удобнее, повернулась к девице задом.

– Ну не жадничай, милая! Я матушке обещала!

Девица рассмеялась и чмокнула зелёную бородавчатую спину. Ну кто б устоял?! Не устояла и хозяйюшка: скрипуче квакнула, спрыгнула наземь и повела просительницу к ведьминому кругу, к волшебным грибам с алыми шляпками, кои при полной луне несут в себе чудодейственную силу. Вот только наполнить кожаную суму девке не довелось: едва срезала первый гриб маленьким серпом, как следующие за нею тени заволновались. И раздался крик.

Так не кричат от радости, да и заплутавшие путники не кричат так тоже. Так может лишь тот, кого жестоко бьют, да и сам он бьётся не на жизнь, а на смерть.

Лесная жительница нахмурилась: кому это дома не сидится в поздний час? Негоже тревожить темноту чащи!

Знай она людей получше, затаилась бы. Куда девке в драку?! Но девка звалось Йагой, что на древнем забытом языке значило «дар леса». И лес она знала куда как лучше, чем тех, кто у леса жил.

Йага поспешила на крик. Тени – за нею.

Свистели у висков ветви, путались в пышных волосах листья, расплзлась под ногами влажная холодная земля.

Так бы и вывалилась Йага из зарослей в редкий березнячок, кабы не вцепился ей в юбку волк: поберегись! Девка с разбегу упала на живот и потому только осталась не видна тем, кто посмел потревожить ночь.

Пряный лиственный дух щекотал ноздри. Йага вытерла измазанные грязью щёки и подняла голову.

В роще шла битва. Да не битва даже, а побоище. Как иначе-то назвать, коли шестеро против одного? К тому ж, шестеро были на диво крепки: приземисты, широкоплечи. А тот один...

Дрался тот один ровно зверь загнанный. И кричал не он вовсе, а тот из шестерых, кто подначивал друзей, стоя за их спинами. Стоял он шатко, приподняв одну ногу. Йага из своего укрытия чуяла его горячую боль в голени.

– А будто мы тебя спрашивать станем! – продолжили мужики прерванную ругань. – Как надо, так и дерёмся! Не заслужил ты честного боя!

Рыжий, что защищался, дивно отличался от всех, кого прежде лесная госпожа встречала. Был он худощав и высок, светлокот, ровно не жаркое лето только что минуло, а суровая зима. В ушах его поблёскивали украшения, кои Йага разве что у мельничихи, приходившей к ним в избу за зельями, видала. Серьги видели и мужики, оттого раззадорились пуще прежнего.

– Ишь, разрядился как баба! Да ты сам баба!

Рыжий сплюнул кровь из разбитых губ и улыбнулся:

– Что-то жена твоя иное говорила, когда я её в конюшне обнимал!

Мужик заревел и кинулся на наглеца. Тот, хоть и качался от усталости, пригнулся и подставил ножку. Враг пробежал мимо. Но остальные-то не делись никуда! От удара тяжёлого кулака рыжий ещё увернулся, зато ногой в живот ему попали. Он и звука не проронил, только согнулся, хватая ртом воздух, да и этого хватило. Сыновья молочника – их Йага знала, не раз разряжала поставленные ими силки в лесу – скрутили молодцу руки. Ещё один добавил в челюсть и, заикаясь, пригрозил:

– К-коли уви-и-идим ещё раз, пе-е-е-еный на себя!

– Че-че-чего ба-ба-балакаешь? – передразнил пленник. – Не-не-не понимаю!

За наглость и поплатился. Били рыжего крепко. В живот, в лицо, по спине. Молча и зло. Он же только вздрагивал от ударов.

Нутро лесной госпожи вскипело от злости. Вшестером на одного? Да так и зверь дикий в её лесу не посмеет, а тут люди! Она приподнялась на локтях и показала зубы. Зарычала, подзывая волка. Тот с готовностью подполз на брюхе.

– Чего встал? Помощь нужна! – вполголоса приказала она.

И волк, не медля, перемахнул через кусты. Шестеро крепких мужиков навряд испугались бы одного тощего волка. Да волк был не один. С ним вместе на поляну вытекли чёрные тени. Как живые расплзлись у серых лап и потянулись к драчунам.

– Щур, протри мне глаза!

– А я говорил, нечего ночью к лесу соваться!

– Мужики, мужики, меня подождите!

– Сто-о-о-ойте!

Буяны сначала попятились, а там и вовсе бросились наутёк. Волк почесал задней лапой ухо и вопросительно оглянулся на Йагу: угодил?

– Угодил, дружок!

Ведьма потрепала его по загривку и пошла к избитому, что так и скрючился под берёзой. Осторожно перевернула на спину, ощупала рёбра, ища переломы.

Странным был этот пришлец. Рыжих в их краях вовсе не водилось, кожа белая, алое пятно на щеке, ровно головешкой приложили. И походил на местных не больше, чем лис на жирного зайца: рук-ног вроде столько же, а зверь другой. Побитый вздрогнул под чуткими пальцами и пробормотал:

– Где ж ты, когда надо... Всегда... Не к месту...

– Да здесь я, здесь.

Йага обтёрла ему измазанный кровью подбородок, проверила, чтоб горлом не шла руда. Ничего, жить будет. Не так его потрепали, как думалось. Али отбивался хорошо. Задрала рубаху – и ахнула!

– Краси-и-иво... – протянула девица.

По коже бежал чёрный узор. Петли цеплялись друг за друга, текли по телу. Однако ж рассмотреть не довелось: молодец зашевелился, принялся отталкивать лекарку.

– Не тронь сказал! Лучше сдохну, чем...

Руки пришлось отнять. Да оно и к лучшему: рёбра целы, только синяками белую кожу разукрасило. Йага достала из сумы единственный сорванный на болоте гриб, сдавила в кулаке. Белый сок, что у несведущего лекаря будет лишь ядом, собрался в мутные капли. Ведьма запрокинула голову, собирая их языком. Для незнающего человека яд. А знающему – средство волшебное.

Она склонилась над молодцем, осторожно разомкнула избитые губы и припала к ним ртом.

Яд смешался с кровью, побежал по жилам. Губы раненого едва дрогнули в ответ, от чего у лесной хозяйки замерло что-то внутри. Она оторопела, вскочила. Странный этот пришлец...

Волк подкрался тихо-тихо, как только зверь и может. Ткнулся лбом под колено и просительно заскулил.

– Знаю, – ответила ему ведьма, опуская ладонь на загривок. – Но я же не совсем в рощу вышла! Я же по краешку! Ты матушке не скажешь?

Серый заскулил: ничего от старухи не утаить, то всем известно.

– И то правда, – вздохнула девка. – Пойдём.

Прежде чем скрыться в чаще, она обернулась лишь единый раз. Убедиться, помогло ли зелье. Рыжий уже повернулся на бок и поджал под себя ноги. Что ж, умирающий ко сну поудобнее не устраивается. Жаль только, что навряд Йага встретит его снова. Так и не узнает, что за чудные рисунки украшали тело молодца.

А быть может оно и к лучшему.

Глава 2

Гиблое место

Лес не звался запретным, да и худого с теми, кто в нём бывал, особенно не случалось. Но местные всё ж старались не частить. Если ходили, то только по делу. И была в том немалая толика заслуги Старухи. Имя старухи местные произносили шепоточком, да лучше только при свете дня. Боялись ли? Верно, и боялись тоже. Но почитали.

А вот тот, кто широким шагом пересёк рошу да лез в самую чашу, не боялся. Али боялся чего-то куда сильнее, чем лесную ведьму. Как знать?

Крепкие молодые ноги несли его легко и быстро. Перескакивали через коряги, обходили топи. Чего бояться молодцу? Что ему, всеми страхами пуганому, ведьма?

Если приглядеться, можно было заметить, что двигался он всё ж с осторожностью, точно недавно ему рёбра помяли. Берёгся. Но вокруг только деревья стояли, так что сказать наверняка было нельзя.

И вот Рьян шёл. Шёл и не замечал, что солнце, рыжее, как и его лохматые космы, всё сильнее путается в чёрных ветвях; что тени становятся глубже, что меняется, перетекает в новое и страшное сам лес. Заблудишься – не выберешься. Не после заката...

Оттого никто не совался за ворота по темноте. А уж в чащобу, туда, куда направлялся молодец, и днём не рисковали, коли нужда не заставит.

Нужда... Что ж, она и гнала Рьяна вперёд. Да такая нужда, что лучше уж пусть старуха посадит его в печь да запечёт, как страшал усмарь. Пусть ему! Дурень необразованный. Небось больше враку рассказывал, чем правду.

– Ишь! Сожрёт! Придумал, тоже! Подавится, – бормотал Рьян.

Люди вообще сочинять горазды – знай слушай. Рьян и не стал бы, кабы сам не видел такое, от чего у иного вовсе язык бы отнялся. Так что догнивающий труп леса с растопыренными в небо чёрными перстами деревьев не пугал его. Ну или, сказать по правде, пугал меньше, чем стоило бы.

Рьян и не вскрикнул, когда аккурат перед ним выкатилось нечто. Не то заяц, не то лис – поди разберись по темноте. Метнулось вправо-влево, пискнуло, ровно хвост прищемило, и скрылось с другой стороны тропки. Рьян смежил веки и замедлил дыхание. Глядеть вслед твари и уж подавно разворачиваться и бежать к людям он не станет. Хоть и родным отцом готов был поклясться, что вместо морды у гадины было человеческое лицо. Да и тем лучше, что человеческое. Перебеги дорогу заяц, можно было бы сказать, что недобрая примета, а так... Да и не дорогу он вовсе перебежал. Название одно. Небось тропа волчья, да и только. Стало быть, можно дальше идти. Рьян лишь пожалел, что флягу с собой не взял – в горле пересохло маленько. Открыл глаза, провернулся трижды вокруг себя, чтобы духов лесных запутать, и двинулся дальше.

Ох, путник, не тревожил бы ты дремлющую темноту! Не волновал бы пичуг на мокрых ветвях, не нарушал бы покой змей, устраивающихся в норах перед холодами, не сбивал бы, рисуясь, кровавые кляксы мухоморов – не к добру.

Как не к добру продираться через колючие заросли и бессильно ругаться на молчаливую громаду леса. Не ровен час, отзовётся...

И ведь отозвался! Да не так, как думалось.

Рьян лишь на миг упустил тропку из виду. Ступил неловко, оскользнулся – глядь! А от тропки ни следа. Откуда пришёл, куда возвращаться – неведомо.

Только мерцает в кружеве облезлых ветвей что-то. Вспыхнет огоньком да сразу погаснет. Заманивает.

– Что б вас всех Тенью накрыло!

На родине Рьяна сказали бы иначе. Там пожелали бы, чтоб всех духов нечистых замкнуло вечным холодом, как уже случалось на заре времён. Их боги однажды побороли всё зло и заморозили на севере. Так бы и стояли пленники там, недвижимые, и поныне, кабы не нашёлся доверчивый дурачок, ударивший по вечному льду рукоятью меча.

Но то родные боги Рьяна. Те, кого почитали здесь, были слабы. Они не умели замкнуть нечисть. Они лишь разделили Свет и Тень, дабы те, в ком течёт горячая кровь, могли спрятаться от зла. Спрятаться, а не сражаться. Так поступают тут, в Срединных землях.

Рьян пнул посмевавший преградить ему дорогу пузатый боровик, и тот, завизжав, улетел в темноту. Только бессильно плюнуть ему вослед и оставалось.

Ох, как же не любил Рьян колдунов! Но делать нечего. От зла, сотворённого детьми Тени, иначе не спастись, только к ним же идти договариваться.

Словно мало молодцу невзгод, тут ещё и дождь зарядил. Холодный и липкий, он не задерживался боле в листве – вся она, скукожившись, шуршала под сапогами. Путник втянул голову в плечи. Ни плаща, ни добротного тулупа у него не было. Что удалось правдами и неправдами скопить, отдал кожевнику за новую обувь. Вот тебе и почётный гость посадника, вот тебе и наследник. Оборванец нищий, у которого всего богатства – рыжая голова. Да и ту покамест не проломили лишь по счастливой случайности.

А вот огонёк впереди от дождя не померк. Пуще прежнего разгорелся, отражаясь в несчётном числе божьих слёз, падающих с неба. Колдовской, стало быть, огонёк. Рьян уверенно двинулся к нему.

Ох не зря не велят матери чадам забредать в тёмный лес! Увидишь единый раз то, что творит в нём нечистая сила, и навек рассудка лишишься!

Поляна горела золотым огнём. Да не добрым жарким пламенем, питающимся деревом. Горела она силой неведомой, чуждой людям. Листва кружила хороводом, взвивалась в воздух. Каждый расписанный осенью лист пылал, каждая жилка светилась и переливалась. И кружились в этой сумасшедшей пляске существа, коими пугают враки. Не вообразить и не описать таких, как они. Заросших мхом, покрытых корою. Иные махонькие – с ежа размером. Иные по колено рослому мужу. А в центре поляны, в самом безумии, кружилась Ведьма.

– Щур, протри мне глаза... – прошептал Рьян, позабыв, что лучше б призывать в защитники своих родных богов, а не тех, в чьей вотчине прожил вот уже дюжину лет.

Местные лгали. Али сами правды не ведали. Не жила в лесу никакая Старуха. Жила девка.

Молодая, гибкая, быстрая, как лисица. Красивая, как бесовка... Она плясала как пляшет пламя костра. Извивалась, вспыхивала, взрывалась искрами. Цветные юбки задрались, обнажая колени, рубаха сползла с загорелого плеча. Глаза – жёлтые, звериные. Волосы... Волосы, как пышный лес! Целая копна, грива лошадиная. Немудрено, что путались в ней ветви да колдовские листья. И не скручивала их ведьма в тугой жгут, как принято у срединных женщин, коли никакого праздника не случилось. Волосы цвета дубового корня шевелились, как живые, невесомо взмывали в воздух. Она отбрасывала их ладонями от потного лба, утиралась рукавом и кружилась, кружилась, кружилась... Падала наземь, вскакивала и снова падала, корчась в вихре огней не то от боли, не то от наслаждения.

Заворожённый, Рьян шагнул вперёд. Коснуться смуглой кожи хоть единый раз, навеки застрять в переплетении волос, задохнуться от восторга. Здесь бы и кончить враку про проклятого наследника. Да Лихо иной раз с собою приносит подарки.

Проклятье Рьяна ожгло ему щёку головешкой, протрезвило буйную голову. Молодец рыкнул от неожиданности, и наваждение развеялось. Остановила танец девка с безумными жёлтыми глазами, опала к ногам золотая листва, превратившись в прелую падь, расползлись существа, названия которым северянин не ведал. Щека саднила как от пощёчины, так и тянуло

приложить к ней холода. А бесовка по-звериному припала грудью к земле, напрягла острые локти и смотрела прямо на него. Нехорошо смотрела, не по-человечески.

– Ты, что ли, ведьма? – начал Рьян, как и задумывал.

Ох, не с тем ты пришёл договариваться, молодец! Ох, не с того начал!

Ведьма извернулась и кинулась на него. Быстры были её движения, смертоносны. Но проклятье оказалось быстрее.

Оно вскипело в животе, туманом поднялось к голове, затмевая рассудок, забурлило в глотке и вырвалось острыми зубами, в который раз вспарывая нежные человеческие губы.

Зубы лязгнули – девка завизжала, откатилась в сторону, баюкая прокушенную руку. А молодец уже сам на себя не походил. Хребет пророс шерстью и выгнулся, в клочья разорвав последнюю рубаху, рыжие вихры сделались жёсткой щетиной. И несдобровать бы ведьме, да наперерез Рьяну кинулись духи, что плясали с нею в хороводе. Обернули на спину, удержали за изломанные руки-лапы. А когда проклятье отступило, плясуньи уже и след простыл. Только обрывки одежды насквозь промокли, да новая обувка пропала.

***

Нити дождя тронули хитрый туесок на шнурке, привешенный к шее, обогнули синяки на рёбрах, пощекотали чёрные рисунки на бледной коже. Последние Рьян получил ещё мальчишкой: знак рода, защитная петля северных богов, клеймо первой охоты. Останься он дома, сейчас подобные этим узоры украшали бы всё его тело, но то дома. В Срединных землях на телах достойных меток не оставляли.

Рыжие волосы потемнели от влаги – теперь он хоть малость походил на местных чернявых. Златовласых на Срединных землях не водилось, и Рьян не раз и не два ввязывался в драку за свою непохожесть.

«Мало ему, что уродцем уродился, так ещё и рядится, как девка! Ишь, серьги нацепил!» – плевались, не таясь, как зажиточные, так и холопы.

Спину тянуло холодом. Кто ж в здравом уме осенью голышом на поляне валяется?! Проклятый лязгнул зубами и обхватил себя за плечи, силясь хоть малость согреться.

– Вот тебе и познакомился с ведьмой, – выругал он сам себя. – Ну колдовка!

А ведь в этом городишке все клялись, что Старуха просителей обыкновенно не гонит! Что надобно только цену ей по нраву предложить. Вот тебе и старуха! Вот тебе и помощница!

Рьян потянулся, разминая затёкшее тело, сгрёб в кучу остатки одежды – хоть срам прикрыть. Делать нечего. Не обратно же с позором возвращаться! Может и в самом деле не стоило соваться в лес к темноте, но что уж... Подумаешь, знакомство не задалось! Со всяким случается. Из-за такой безделицы отступить не след.

Кое-как прикрывшись, молодец пошёл дальше. Быть может, в своей избе старуха окажется поговорчивее. А может он попросту подопрёт ей дверь и пригрозит поджечь, если бабка... девка снова свихнётся.

Дождь из мороси вырос совсем уж в ливень. В эдакую непогоду селяне вовсе старались из дому не выходить, Рьяну же было лишь слегка прохладно. Всё ж северная осень куда зубастее местной. Дома не всякое лето случалось такое, как здесь месяц после сбора урожая. Однако приятного тоже немного: из носу капало, а кожа покрылась мурашками. На грязные ноги и глядеть противно.

– Насле-е-е-дничек, – горько протянул проклятый. – Видел бы отец...

Вот только отец не увидит. Ему и вовсе навряд доложат, что сын сбежал из дому посадника. Не ровен час, на том мирные времена и закончатся. А кому это надо?

Ну да нет худа без добра: терять зато Рьяну нечего. И, стоило так подумать, как изба выросла будто бы из-под земли. Ровно такая, как говорил усмарь: маленькая, покосившаяся, на высоких курах от лесной сырости. И входом смотрела, знамо дело, в самую непроходимую

чашу, а не во двор. Окружал избу частокол. Оградой назвать язык бы не повернулся. От кого ж оградят редкие колья, кое-как воткнутые в мох? А на кольях тех – протри, Щур, глаза! – черепа. Молва слыла, что человечьи, но Рьян был не из робких. Присмотрелся: коровьи да козьи. Один лисий. У страха глаза велики, как известно. Вот и выдумывают.

Молодец залихватски подмигнул пустой коровьей глазнице и вошёл во двор.

– Избушка-избушка,пусти, сделай милость!

Кланяться он не привык, но всё ж согнул спину. Пришёл миром договариваться, так с мира и начинай. А кто кого там на поляне сожрать пытался, то дело прошлое.

Рябая неясить свистнула, вспорхнула с облезлой ёлки и нацелилась острыми когтями аккуратно в затылок. Рьян едва увернуться успел. Когда же вновь поднял взгляд, изба уже стояла иначе: разошедшей дверью к нему.

– Добро пожаловать, стало быть, – хмыкнул молодец.

Но, не успел подняться по крыльцу, как дверь с грохотом отворилась.

Вот теперь пред ним и впрямь предстала старуха! Как и балакали: тощая, седая, изрезанная морщинами. Белёные старческие глаза смотрели прямо на гостя, словно бы темнота не была им помехой.

– Кого это леший посередь ночи ко мне привёл?! – забрюзжала она, не спеша звать гостя в дом.

Рьян сдержанно процедил в ответ:

– И тебе не хворать, хозяйюшка. Молва ходит, ты с нечистой силой водишься. Не пустишь ли в дом? Дело есть.

Старуха заворчала:

– Мне весь лес дом родной, ты уж явился без приглашения. А теперь, стало быть, дозволения просишь?

– Стало быть, прошу. Не сердись, бабушка. Кабы моя воля, в твой лес я бы не ступил.

«Да и вовсе в царствие это ваше поганое не поехал бы», – добавил Рьян про себя.

Ведьма же будто мысли его прочла. Пошевелила губами, показав единственный жёлтый зуб, внимательно оглядела просителя. Ясно, от неё не укрылось, что гость явился не в праздничной одежде. Но и Рьян был не из робких. Выставил ногу вперёд, упёр ладони в бёдра: нравится – любуйся.

– Это ж кто тебя так потрепал, милай? – захихикала ведьма. – Милости-то я не подаю.

– А ты, бабушка не знаешь? Никак за дурака меня держишь али сама дура? – не выдержал Рьян.

Ну точно ведьма! Сама девкою обернулась, а теперь ещё и насмехается!

Её чёрная фигура в золотом проёме двери словно бы съёжилась. Старуха недовольно поцокала языком.

– Дерзишь? Вот что, милай, убирайся-ка ты подобиру-поздорову. Не по нраву мне дерзкие. А не то в печь засуну и...

Рьян взлетел по ступенькам птицею. Уж чем-чем, а ловкостью он богами был оделён сполна. Бабка и отшатнуться не успела, как он её сцапал за плечо.

– Вот что, ведьма, я к тебе с добром пришёл. Не угрожать, а торговаться. И покуда своего не выторгую, не уйду. А печь и впрямь растопить стоило бы. Не видишь, молодец замёрз и оголодал.

– Сказала, не пуцу! Пшёл отседова, негодник!

Вот же карга упрямая! Недолго думая, Рьян закинул бабку на плечо да и вошёл в избу с нею вместе. И оторопел. Потому что навстречу ему выбежала девка с копной волос цвета дубового корня, с жёлтыми звериными глазами и с повязкой на прокушенной руке.

В лесу жила не одна, а две ведьмы.

– Матушка, а не сожрать ли нам гостя незваного? – Голосок был ей под стать: звонкий, со смешинкою. Девка хитро оглядела молодца, ничуть не смутившись его наготы. – Али лучше наперво откормить? – хихикнула она.

Глядела странно и хитро. Так глядят малые дети, когда попадутся на какой урезине, но нипочём в том не сознаются: хоть кричи, хоть лупи – не я кот смолою измазал! Рьян и сам так, бывало, смотрел на отца.

– Лучше бы откормить, – не стал противиться Рьян. Он поставил старуху на скрипучие доски, оправил её передник и игриво шлёпнул пониже спины, словно молодку. – А то кожа да кости, разве что на холодец пойду.

– Ну, дерзкий, сам напророчил!

Ногти старухи почернели и заострились, как у птицы хищной, в избе потемнело – тусклой лучины не доставало разогнать сгустившуюся тьму. Рьян изготавился защищаться, да не пришлось. Девка повисла на локте у старухи:

– Матушка, ну что ты, в самом деле! Видно, горе у человека случилось. Неужто иначе явился бы к тебе в такой час?

– Да я б ни в какой не явился, кабы не нужда, – вставил проклятый.

Ведьма по-змеиному зашипела, вскинула руку, вырвала из рыжего чуба несколько волос. И сунула их в рот, вдумчиво пережёвывая.

Рьян ажно за живот схватился – замутило. А девке будто так и надо!

– Ну? – поторопила она бабуку.

– Ладно уж. Пушай говорит, – согласилась, наконец, та. – А ты брысь отседова!

– Вот ещё!

– Брысь, сказала!

– Ну матушка!

– Баньку растопи. Не видишь, гость околел вконец! Да и грязное есть не хочется...

Девка прыснула, пихнула Рьяна бедром и выскочила из избы.

Матушка! Гляди-ка! Да старуха ей в бабки годилась, а то и в прашуры! Но не для того наследник явился к лесной ведьме, чтоб судить. Пусть ей.

Едва дочь скрылась в ночи, старуха мёртвой хваткой вцепилась в рыжие волосы.

– Слушай, ты, ащеул, коли болтать о Йаге станешь, я тебя не в печь посажу, а заживо сожру, уразумел?

– Как не уразуметь.

– А коли уразумел, выкладывай, зачем явился.

Вот же старуха безумная! Не зря люди к ней без крайней надобности не обращались. Небось свихнулась тут вместе с дочкой своей. Ну да делать нечего.

Рьян молча ткнул пальцем в алое пятно на щеке. Пятно было большое, с ладонь размером. Оно расплзлось почти на пол-лица, тронуло левый глаз и черкнуло по подбородку. Краше молодца оно не делало, да ведь и не с такими родимыми отметинами люди живут. Вот только отметины той у молодца с рождения не было. Появилась она лишь недавно, в тот несчастный день, когда жизнь его рухнула.

Старуха выпустила чуб, плюнула на ладонь и поднесла её к пятну. И сразу отёрнула руку, брезгливо отерев о передник.

– За дело получил? – только и спросила она.

– За несговорчивость.

Бабка хмыкнула: видала она несговорчивых, одну такую вон воспитывает.

– Ты хоть понял, кого разозлил, малец?

Рьян передёрнул плечами. Понять-то он понял, что ведьм злить не стоит, да только слишком поздно.

– Сможешь снять проклятие?

Старуха пожевала беззубым ртом.

– Снять проклятье того, кого уже и в живых нет... Непростое дело.

– Я заплачу.

Вот уж кто не выглядел богачом! Из дорогого у Рьяна имелась только новая обувь, да и та пропала. А в обрывках одежды кошель не спрячешь...

Он сжал маленький туесок, привешенный к шнурку на шее – своё единственное богатство. Вынул крышку и вытряхнул свёрток с алой печатью. Развернул, не выпуская из рук.

Бабка сощурилась, разбирая письмена. Навряд она вообще была грамотной, но печать посадника ни с чем не спутать. И всякому известно, что та печать позволяла.

– Я и без посаднического спросу почти век колдую, – фыркнула она. Но пальцы мелко задрожали, готовые вцепиться в бумагу.

– Так, стало быть, грамота тебе не нужна?

Он медленно свернул цидулку¹, обернул верёвочкой и сунул обратно в туес. Старуха проводила её хищным взглядом.

– Стой, милый! – Шумно с усилием проглотила слюну. – Проклятье тяжкое. Сложное. Но помочь тебе способ есть. Рассказывай, как проклинали.

Рыжие брови ехидно изломились. Правду говорят люди: на всякий товар найдётся цена. Он невозмутимо закрыл туесок крышкой и расправил нить на груди – не потеряется, даже если вновь случится обернуться чудищем. Протянутая ладонь старой ведьмы так и осталась пустой.

– Ну разве гостя на ночь глядя пытаются расспросами? Ты б сначала меня в баньку отвела, накормила-напоила, спать уложила. А на заре и поговорить можно.

Рьян лучезарно улыбнулся ведьме, чьё имя боялись произносить по темноте. Рьяну бояться уже было нечего.

---

¹ Цидулка – маленькая грамота, записка или письмо

Глава 3

Ведьма

Йага и прежде встречала людей, не совсем же она дикой была! Приходили старики, просили зелья от хворей. Девки захаживали, вздыхали, краснели и шептались с матушкой. Йага наблюдала за ними из девичьего угла али с полатей. Станные они, люди. Сами у леса живут, а с лесом не знают. Лес ведь без всяких просьб помогает! А они – к ведьме.

Молодцы ходили редко. Йага видала, как охотники ставят силки, как пахари пережидают в роще жару. Но такой, как этот, явился впервые. И уж не зря мудрые боги третий раз за седмицу свели её с пришлецом. Сказать что-то хотят, играют!

Поэтому Йага не просто истопила баню да притащила бадейку с водой. Когда рыжий поговорил с матушкой да отправился мыться, она подкралась к дымовому оконцу, подставила чурбанчик и заглянула.

Белокожий, поджарый, с рисунками на теле – он. С другим не спутать. Синяки почти зажили, только губы разбитые остались. Интересно, вкус у них такой же, как и тогда, в березнячке?

– Долго подсматривать будешь? – Рыжий вывернул на себя ведёрко холодной воды, довольно фыркнул и уселся на скамью, широко расставив ноги. – Интересно, что ли?

Йага улыбнулась.

– Ага. Я сейчас!

Спрыгнула наземь, обернув чурбачок, заскочила в дом, сгребла тряпок из сундука – и лётком во двор. Матушка только выругаться и успела.

– Вот!

Пришлец так и замер с занесённым над головой ковшом.

– Чего тебе, болезная?

– Одежу тебе принесла! Вот.

– Это что, мои сапоги?

Жёлтые звериные глаза сверкнули в темноте.

– Нет. Это мои сапоги. В лесу нашла. Но оказались не по размеру, так что носи.

– Нашла, значит?

– Ну да. Лежали без дела. А мне сгодятся. Ну бери уже! – Она нетерпеливо шагнула к молодцу, предплечьем утирая со лба пот. Порты большие, должны налезть. И рубаха. А что у тебя тут?

Едва Рьян успел принять обновки, как палец ведьмы уперся ему в живот, в самую серёдку знака рода. Рыжий смущённо кашлянул.

– Дай хоть прикрыться, ненормальная...

Йага только рукой махнула.

– Ой, да ну! Расскажи про рисунки! Я таких прежде не видала!

– А что, много голых мужиков повидала, чтобы судить?

Йага рассмеялась:

– Может и повидала. Тебе-то что?

Молодец насупился и повернулся спиной. Наскоро обтёрся руками и натянул порты.

– Это знак рода. Всех в семье таким в младенчестве метят.

Он снова повернулся лицом, и девушка нахально присела перед ним на корточки, рассматривая рисунок. Проследила пальцем петлю до пупа.

– Красиво! Он как будто под кожей! Ай, ты чего?!

Рьян и сам не понял, зачем шлёпнул по горячей ладони. Просто вдруг показалось, что жар от неё куда сильнее, чем от раскалённых камней в бане.

– А нечего! Ведьма...

Девка растерянно захлопала ресницами, небрежно отбросила волосы со лба и резво вышла из бани.

– Меня Рьяном величают! – зачем-то крикнул ей вслед молодец.

Йага выскочила из бани словно полночи в ней парилась. Жар прилил к щекам. Да её матушка ни разу не била, а тут этот... Явился невесть откуда весь такой... Какой? Непонятный! Неправильный!

– У-у-ух! – погрозила она ёлкам, любопытно склонившимся над их двором.

Ёлки понимающе покачали вершинами.

Кому как не ведьме лесной знать, что с богами спорить негоже. Коли привели они этого... Рьяна к ней третий раз, стало быть, надо так. Но разве не могли они привести кого-то не такого противного?!

Рябая неясить спустилась на плечо, проткнув когтями платье. Потёрлась о висок, заворчала. Йага погладила птицу, вслушиваясь в её говор.

– Что-что? Запереть дверь да оставить в бане до утра?

Неясить завертела головой: она такого не сказывала!

– Ну ладно-ладно, – рассмеялась колдовка. – Пусть ему. Но помогать не стану! Будет с него и одного раза!

Неясить визгливо засмеялась: она-то точно знала, что любопытство не оставит лесную госпожу и что её ещё отговаривать придётся. Не знала этого покамест только сама Йага.

Оттого, наверное, она и спряталась за занавеской в женском уголке и не стала ничем угощать гостя, когда тот вернулся в избу. Крынку простокваши, хоть и нехотя, выставила ему матушка. Рьян не побрезговал и хлеба не попросил. А ведь могло и на это наглости хватить.

– Благодарствую, хозяйюшка!

Отвесил поклон, как следует доброму гостю, и примерился было спать на лавке, но матушка зашикала:

– Куды?! У меня тут девка немужняя, а ты, незнамо чей и откель, с нею в одной избе спать собрался? Марш в предбанник! Там нынче тепло.

Рыжий плечами пожал, подхватил одеяло, которого ему, надо сказать, никто и не предлагал, и был таков.

Йага же той ночью долго уснуть не могла. Не то потому что матушка на полатах бормотала и ворочалась, не то ещё почему. Когда же под утро старая ведьма спустилась, взяла корзину и покинула избу, Йага решила высунуться из своей спаленки.

Как была, босоногая, пошла во двор. Мокрая земля холодила пятки, но никакие хвори лесовку сызмальства не брали, что ей сырость осенняя?

Ливень едва утих, мутные лужи ещё малость рябили в предрассветной темноте. Йага пошлёпала прямо по ним. Нагнулась к щёлочке в предбаннике – не видать ни зги. Тихонько отворила дверь, юркнула внутрь. Гость мерно посапывал, свернувшись калачиком. Девка на цыпочках подкралась к нему, наклонилась, разглядывая. Гол как сокол. Ни кошеля при нём, ни сумы со снедью, которой часто пришлецы с ведьмами расплачивались. Чем же он матушке обещал отдарить за помощь? Да что за нужда привела в поздний час в глухой лес?

Девка и не заметила, как слишком сильно приблизилась к молодцу. И как тот сопеть перестал – тоже. А рыжий – хват! – и стиснул пальцы на её запястье. Йага не испугалась. Не было такого, чтобы в лесу её кто-то обидел. Везде друзья-помощники. За неё и мыши, шуршащие в углу, встанут, и неясить, следящая с ёлки, прилетит.

– Чего хватаешься? – шёпотом спросила девка.

- А чего крадёшься? – в тон ей ответил Рьян.
- Удушить тебя хотела, да ты проснулся невовремя.
- Врёшь.
- Вру. И что с того?

Молодец отпустил её, сел и хорошенько, до хруста в членах, потянулся. Похлопал по месту рядом с собой: садись, мол. Йага осталась стоять.

- Зачем к матушке явился?

Рьян мотнул головой, отбрасывая от лица спутавшиеся волосы. Маленькие золотые кольца в ушах дрогнули.

- А тебе что? Думаешь, я душегуб какой?

– Коли так, то земля тебе пухом, – спокойно ответила ведьма. – Чего просить собрался? И чем платить?

Молодец упёр локти в колени, положил подбородок на сцепленные ладони. Долго снизу-вверх смотрел на девуку и, наконец, признался:

- Проклят я. Ведьма твоя обещала помочь.
- Матушка Зорка. Коли помощи просишь, так зови её с почтением.
- Ну Зорка, – не стал спорить Рьян. – А чем платить ей стану, – он тронул маленький деревянный туесок, висящий на шнурке на шее, спрятал под рубаху и похлопал рукой, – то не твоего ума дело.

Неужто думал, девка любопытная выпытывать станет? Посулит награду, если скажет. Йаге и впрямь любопытно было – сил нет. Но в темноте не видать, как у неё нос сморщился от расстройства. Она сказала:

- Проклят, стало быть. Что ж, знаю, что матушка поутру сделает. Пойдём.

Она не глядела, послушался ли гость. Коли богам он люб настолько, что наново с Йагой свели, то и разума они ему дадут, чтоб не перечил.

Когда Рьян вошёл в избу, Йага уже вовсю топила печь. И, хоть рыжий и делал вид, будто не по велению зашёл, а так, гулял просто, ухмыльнулась.

Огонёк хитро подмигивал из глубины устья, знай дровишек подкидывай. Весёлый дым сначала занавесил кухню, но быстро нашёл выход и послушно потёк в трубу.

- Возьми горшок, – велела ведьма. – Воды налей. Да ставь в печь.
- А сама что? Невмоготу? Придумала тоже! Мужiku кашеварить!

Йага медленно облизала губы, ни слова не говоря. А то так бы и дала хворостиной промеж лопаток! Молодец скрипнул зубами и начерпал из бочонка воды, поднял горшок, и впрямь тяжеловатый для бабы.

- Куда ставить-то?

Лесовка мотнула головой – копна волос так и заплясала, ровно то пламя.

- Да смотри к огню поближе!

Огонёк поманил Рьяна из самой глубины печи – поди ещё дотянись.

- А ухват где?

Девка вскинула густые брови. И так хороша она была в этой осенней сырой темноте, так её загорелую кожу целовали отблески пламени, что Рьян в кои-то веки передумал препираться. Быть может, молчи он почаще, больше бы друзей себе нажил и меньше врагов.

Он поставил горшок в печь и подвинул, насколько хватало руки.

- Глубже.

Подвинул ещё маленько.

- Вода так до вечера не закипит. Ставь куда положено.

Проклятый зыркнул сердито, но ведьме хоть бы хны. И не так на неё зыркали. Он сильно выдохнул через ноздри, лёг на живот, пачкая рубаху сажей, и как мог растянулся по устью, аж но ступни от пола оторвались!

Печь была хорошая, просторная. Такая, какая устоит, когда от избы ни брёвнышка не уцелеет. В ней и помыться можно, коли баню не истопишь, и еды на большую семью за раз сготовить. Рьяну печи не нравились. Ему больше был по нутру открытый очаг да котёл над ним, как дома. Но даже северянин подивился, каким заботливым теплом обволокли его глиняные стены.

И только хотел выползти назад, как хитрая ведьма схватила его за ноги, и без того висящие в воздухе, да толкнула вперёд. Рьян только что лицом в угли не угодил.

– Ты что удумала, ведьма?!

– Тебе, дурню, помогаю! – крикнула она и приладила к печи заслонку.

Вот тебе и на! Неужто правду усмарь врал?! Сготовит да сожрёт? Такова лекарка?

Рьян быстро перевернулся на спину, подтянул колени к груди и с силой лягнул – улетит до стены от такого удара и заслонка, и девка с нею вместе.

Вот только невдомёк северному наследнику, что ведьма прислонилась к заслонке всем телом с той стороны, распластала по греющемуся железу руки да шептала тайные слова. И слова те крепче любого силача заслонку держали.

Раз Рьян ударил, второй... И смекнул, что не шутит колдовка. Не приведи боги, правда запечёт!

– Ты что творишь?! Выпусти немедленно!

– Как готов будешь, так и выпущу! – был ответ.

Проклятый зарычал от бессилия: на мякине провели! Доверился бабе! Пора было вбить в бестолковую голову, что одни беды от них! Раз обжёгся, так снова полез в самое пекло! Ну да ничего! Вот только выберется! Он эту поганку так оттреплет, что лес станет не мил! И пусть старая ведьма хоть всеми карами Света и Тени его страшает!

Рьян схватился за горшок и плеснул воды на дрова. Вот сейчас зашипят, заволокут всё едким дымом... А огонь, ровно живой, возьми да и увернись! Молодец протёр глаза. Вылил остатки – и снова без толку! Алые угли расползлись в стороны, как мошки вспугнутые! Неужто уже дыму наглотался?! Натянул рукав на ладонь, попытался прибить язычки пламени, что водили вокруг него хороводы. Куда там! Угли ползли по стенам, золотыми звёздами свисали с потолка. Рьян колотил по ним, но никак не мог погасить. Неужто так вот бесславно жизнь его и закончится?!

– Выпусти, дура! – заорал он. – Сгорю ведь!

А ведьма знай шепчет. Шёпот её, как шелест листьев осенних, как скрип древесных стволов в ночи – далеко разносился, до самого нутра пробирал.

– Выпусти, не то пожалеешь!

Он зажмурился. Ну же, ну! Где то проклятье, когда оно так нужно?! Хоть раз же должно вовремя явиться и отодвинуть чёрным крылом человеческий разум!

Нет. Проклятье молчало. Справляйся сам.

Золотые мушки носились взад-вперёд. Точно издеваясь, цапали за нос, касались кожи. Рьян отмахивался, ругался, колотился в заслонку, будто намертво вросшую в глину.

А ведьма всё шептала. Слова её убаюкивали. Неведомый язык, чужой, колдовской. Он стелился, как туман. Успокаивал, как песня материнская. Приглашал живые угли в пляс, как праздничная музыка. Угли повиновались. Они менялись местами, извивались языками пламени, разгорались. Скоро тёмного угла в печи не осталось. От яркого света тянуло зажмуриться. И не погасить было тот огонь, не спрятаться от него. Рьян свернулся клубком и закрыл глаза. Бесславный конец, глупый. А и сам дурак, что бабе доверился.

Посветлело до того, что опущенные веки не спасали. Стало тесно и больно. И свет уже не вокруг был, а от заслонки. Не то железо раскалилось добела, не то ведьма наконец сжалилась и открыла выход. И так стало Рьяну страшно! Так не по себе! Век бы лежал в тепле да слушал колыбельную, век бы плавал в бесконечном забвении. Но неведомая сила тянула его к свету.

– Нет! Нет, не надо! – заорал молодец, ногтями цепляясь за покрытые копотью стены. – Не хочу!

И вдруг вывалился из печи прямо на пол. Лишь дымная пуповина соединяла его с горячей печью, но и ту Йага безжалостно перерезала серпом.

Ведьма заботливо коснулась его лба, и на мгновение будто бы вернулся материнский печной жар, но рука исчезла, и жар, такой желанный, с нею вместе.

– Тепло ли тебе, молодец? – задорно спросила она.

Тут Рьян разом вспомнил, что случилось. Вскочил, оттолкнул ведьму.

– Ты что это удумала?! Убить меня решила?

Ресницы дрогнули, но хитрого взгляда жёлтых звериных глаз не спрятали.

– А разве ты мёртвый?

– Мог бы и быть!

– Коли я захотела, был бы, – спокойно кивнула Йага. – Но я тебя перепекла.

– Что сделала?

– Перепекла. – Йага отряхнула одежду молодца, и зола, кажется, намертво въевшаяся в ткань, отстала, будто её и не было. – Ровно дитё хворое. Издревле так делали, чтобы нечисть не привязывалась. Знаю я, как матушка проклятья снимает. Отправит тебя в чашу, где тёмная сила великую власть имеет. И лучше бы тебе от неё хоть так защититься.

– Ты... Что же? Помогла мне выходит?

– Выходит, помогла.

– А сказать, что задумала, никак нельзя было?

– А что, – Йага сощурилась, – ты б по своей воле в печь полез?

– Я б тебя туда сунул...

Она фыркнула: вот бы на такое поглядеть! Да рыжий тогда нипочём из лесу живым бы не выбрался! Однако ж вслух того не сказала. Села за стол, молча отрезала краюху хлеба, подала гостю.

Тот помедлил, но хлеб принял. Присолил, укусил и, наконец, спросил:

– Для чего помогла-то? Если твоя ве... Зорка худое задумала, так скажи сразу.

Девка ажно простоквашей поперхнулась. Выдумал тоже! Матушка – и худое!

– Коли матушка помочь обещала, поможет. В лесу никто не лжёт – себе дороже. А я всего-навсего оберег тебе на шею повесила.

– Зачем?! Я никто тебе. Человек пришлый, может ещё и злой! Зачем помогла?!

Йага глядела на него поверх чашки. На рыжие кудри, на золотые кольца в ушах, на диковинные рисунки, виднеющиеся в вырез рубахи. Задумалась. Нет, нет ответа!

– Того пока сама не ведаю. Как узнаю – скажу.

Глава 4

Дымом пахнет!

Задала старуха задачку! Едва они с Йагой перекусить успели, ввалилась в избу, обругала обоих, швырнула на сундук пучок свежесрезанных трав и заявила:

– Иди-ка, милай, хоть водицы принеси для мого зелья. А то ишь, умный выискался! Бабушка, стало быть, ни свет ни заря поднялась, все ноги сбила, а этот... сидит!

Рьян быстро смекнул, что злилась она не на него вовсе. И даже не на то, что пришлось по сырости да мокроте травы собирать. Злилась она на дочь, что та без её ведома колдовала над пришельцем.

Зорка втиснулась на скамью меж молодыми, ещё и пихнула Рьяна острым локтем, потопрапливая.

– Что тебе, старая, воды в избе мало?

Проклятый кивнул на бочонок, из которого, по велению Йаги, наливал в горшок.

– А может и мало! Явился, гость незванный! Баню ему, пожрать ему тоже, зелье сварил... Хорошо устроился, царевич!

Рьян горько фыркнул. Царевич... Вот скажет бабка так скажет! Ударил ладонями по столу, поднимаясь, взял ведро и совсем было уже вышел...

– Постой!

– Ну чего ещё?

– Не из колодца набирай. К роднику иди!

Рьян едва не швырнул ведёрко оземь.

– Где я тебе тут родник найду?!

– Коли захочешь...

Но Йага перебила старуху.

– А вот! – Метнулась к печи, достала метлу, походя смахнув в углу паутину, вырвала один прутик. – Куда он укажет, там и родник.

– Ты никак смеяться вздумала?

Но Йага смотрела серьёзно. И смешинок в её жёлтых звериных глазах было не более обычного. Рьян взял прутик, коснувшись горячих загорелых пальцев. И девка смутилась.

Довольный собою, молодец издевательски поклонился старухе и хлопнул дверью.

– Карга старая! – бормотал он, сбивая прутом остатки листьев с ветвей. – Вода ей не такая...

Но, хочешь-не хочешь, а дело надобно делать. Раз ведьма зелье обязательно на родниковой воде варить хочет, значит, и впрямь стоит её принести. Рьян только крепко сомневался, что ведьма не соврала. Может попросту спровадить решила. Не зря ж она ажно сбледнула, когда его рядом с дочкой за столом застала!

– И эта ещё издевается! Прутик дала! Тьфу!

Хотелось зашвырнуть его подальше со злости. Рьян хлестнул веткой воздух, представляя, как учит уму-разуму вредных баб, и едва не упал навзничь. Прут ожил да так рванул его в сторону, что попробуй удержись!

– Ах ты погань колдовская!

Молодец вцепился в хворостину двумя руками – не выронить бы! А та всё тянула в колючие заросли шиповника. Шагнёшь не в том направлении – извивается и жалит, ровно змея!

– Да что ты?! Я только обойду!

Но обойти прут тоже не давал – вёл в самые колючки.

– Стой ты! Стой, скотина упрямая!

Ветка оплела запястье и уколола в нежную кожу у локтя. Рьян зашипел, принялся растирать больное место, а прут – прыг! – и уже на земле! Ползёт, точно живой, меж сухих трав, тревожит рыжие листья! Тут уже колючки-не колючки – не потерять бы из виду!

Рьян с треском ломанулся в заросли. Бегал он хорошо, но поди поспей за ведьмовским оберегом. Тут уже не уследишь, куда ступаешь и чем пачкаешься. Вспугнутая грохотом лосиха проводила молодца задумчивым взглядом, он и удивиться не успел. Так и вывалился из кустарников. Потный, грязный, тяжело дышащий, злой, как шатун! Каблуком втоптал мигом ставший безжизненным прут в грязь. Однако ж к роднику вышел. И, право слово, если и варить зелья на какой водице, так только на такой!

Чистейший, переливающийся, словно на дворе жаркое лето, а на небе ни облачка. Он брал начало в поросших мхом валунах, оглаживал их изгибы и с весёлым звоном падал вниз, в каменную чашу, как в подставленные ладони. Рьян замер, не решаясь приблизиться к чудесному месту – аж ведро из рук выпало. Впрочем, восхищения хватило ненадолго. Сбросив наваждение, он вспрыгнул на ближайший камень, едва не оскользнувшись, прошёлся по нему и наклонился напиться. Умылся, довольно крикая, а когда отнял ладони от лица, понял, что не один отыскал родник.

Напротив сидела девка. Да как сидела! Рубашонка мокрая, всё тело облепила – видать каждый изгиб, каждую складочку. Девка запрокинула голову, показывая шею, провела ногтем по ключице.

– Звиняй, славница, что помешал. Водицы наберу и пойду.

Рьян не смутился и не покраснел. Видал он девок. И одетых, и голых. И таких вот, призывно грудями покачивающих, на локти откидывающихся, видал тоже. Обыкновенно, правда, не спешил с ними распрощаться.

– Что ж ты стоишь, молодец? Неужто я не хороша?

Рьян с сожалением цокнул.

– Хороша, хороша. Не обессудь, не до тебя нынче.

И только подставил ведро источнику, как девка вдруг завизжала и кинулась на него. Проклятый не удержался на скользком, упал, выронив ведёрко. Полетели брызги. И кто бы знал, что хиленький родничок так глубок! Вроде ручей ручьём, а молодца целиком укрыв!

Девка мигом запрыгнула на него верхом и придавила грудь.

– А коли хороша, то ты тут со мною и останешься!

Острые ногти прорезали рубашку, вода исказила лик. Теперь не красавица приманивала Рьяна, а бледная тётка с перекошенным зубастым ртом топила его.

Ледяная водица сковала руки-ноги, вместо воздуха в нос полилась погибель. Но и Рьян не первый день на свете жил. Всю силу духа приложил, чтобы не дать себе трепыхаться. Замер, расслабился. Девка ослабила хватку, а он – ап! – и высвободился. Но вылезти из родника нечисть ему не дала. Пальцы её скрючились, шея вытянулась, глаза замерли, как у рыбы дохлой. Так она и пошла на него – мертвянка.

Недолго думая, парень подхватил ведёрко, размахнулся и шарахнул ей по уху. Девка не увернулась. Шея жутко захрустела, голова склонилась на бок так сильно, как не бывает у живых. Но нечисть того и не заметила.

– Мой будешь! Здесь останешься! Ласкать тебя стану!

– Прости, славница! Мне как-то больше живые по вкусу.

Рьян нахлобучил ведро ей на голову и пнул в живот – уродина раскинула руки и упала в родник. Но прежде, чем коснуться воды, сама стала водою и осыпалась вниз уже каплями. Только ведро осталось в каменной чаше. Выловить бы его да убраться поскорее...

Но, стоило молодцу наклониться, как утопница выросла у него за спиной. Обхватила за пояс, коснулась губами шеи – точно ледышку за шиворот кинули!

– Куда же ты, любый?

Зубы коснулись кожи, запах сырой земли обдал Рьяна... Всё?

Вот ещё!

Видно, этот рыжий богам мил.

Мертвянка отшатнулась от него, заскулила, на четвереньках побежала к камням прятаться.

– Тьфу! Тьфу! Дымом пахнет! Поди прочь, дымный! Тьфу на тебя!

Рьян сглотнул слюну пересохшим ртом. Не отводя от утопницы взгляда, достал ведро, зачерпнул воды и медленно попятился от источника.

Когда звон воды стих, а мокрая рубаха начала вновь ощущаться на теле, дрожащей рукой пригладил волосы.

– Вот тебе и перепекла, как хворого младенца, – пробормотал он.

***

На том указания старухи не закончились. Для колдовского зелья ей нужны были и водица особая, и коренья, которые Рьян непременно сам должен был собрать, и времени куда больше, чем хотелось бы.

Но молодец оказался не прочь лишний раз зайти в избу к ведьмам. Хотя бы и для того, чтобы отблагодарить лесную госпожу за спасение. А что нарочно подгадал для того время, когда Зорка из избы уйдёт, так то просто чтоб не злить бабку лишний раз.

Денёк, когда он снова наведалься в чащу, выдался погожий. Самое то, чтобы по ельничку прогуляться. Солнце ярко прощально сияло сквозь облезлые ветки, даже мошकारа какая-то сновала, точно невдомёк ей, что вот-вот снег выпадет. Сухие травы шуршали под ногами, так и тянуло прилечь да понежиться, вдыхая их пряный дух, а там и ко сну можно готовиться. Рьян помотал головой: не его это желание! Он Срединный лес с самого детства не любил, а уж в траве кататься и вовсе никогда не думал. Проклятье росло... Не ровен час, от того, кем молодец родился, и вовсе ничего не останется...

С такими невесёлыми думами и зашёл он во двор. Показалось, что в чёрных глазницах коровьих черепов мелькнул огонёк, царапнул внимательным пытливым взглядом. Показалось. Наверное.

– Избушка,пусти, сделай милость! – привычно обратился он к слепой стене хаты.

В ответ раздался задорный смех.

– Не впускай, не впускай! Мне матушка велела пришлых молодцев в хату не приглашать! – В окошко выглянула Йага. Она подперла ладонью подбородок и хитро подмигнула. – Поэтому так говори. Чего пришёл?

Рьян залюбовался. В рамке почерневших от времени резных наличников, под медовыми солнечными лучами, в ярком красном сарафане сидела истинная дочь леса. На подоконник она поставила корзинку с мухоморами и принялась чистить их маленьким ножичком, дескать, я тут делом занята. Ловкие пальцы споро убирали листья, обрезали корешки, скидывали слизней, где попадались. Горячие пальцы – Рьян то хорошо помнил.

– Да вот... Два слова молвить зашёл.

Слова давались нелегко. Не привык северянин спасибо говорить, как не привык и к тому, что ему помогали за просто так.

– Что же?

Вот же колдовка! Ещё допытывается! Рыжий процедил:

– Я когда за водицей ходил...

– Купаться-то? – не преминула поддеть его ведьма.

– Не купаться. Чуть не потоп я. Там... нечисть была.

– И что же?

Говорила девка вроде от сердца, а глаза поблёскивали хитро: сама же всё знаешь, что мучаешь?!

– Ну и сожрала бы, кабы ты меня прежде в печь не сунула! – рявкнул бедняга.

– А-а-а-а. Ну да, сожрала бы. Я ж тебя от нелюдьеv и перепекла. Так сказать-то что?

Сказать хотелось много чего, да всё не для девкиных ушей. А она ещё и издевалась, ресницами хлопала! Что же, поклоны бить ей теперь? Пока Рьян думал, ведьма подвязала волосы шнурком, чтоб не мешали, открыла уши.

– А это у тебя что?

В ушах покачивались два птичьих черепа.

Йага не на шутку смутилась.

– Это... серьги.

– Это ж черепа!

– Ага, вороньи. В лесу нашла и... – Девка запнулась. А как не запнёшься, когда на тебя глядят ошалело и рот разевают. Она неуверенно закончила: – Думала, как у тебя будут.

Молодец с трудом отвёл взгляд от белеющих костей. Ведьма она и есть ведьма. Ну черепа. Подумаешь! У всякого народа свои украшения. Зато теперича ясно, как спасибо сказать да не унизиться при этом!

Он подпрыгнул, цепляясь кончиками пальцев за подоконник, легко подтянулся и сел в оконном проёме. Йага потеснилась, но не отпрянула.

– Вот что, – сказал рыжий, – собирайся-ка ты да пойдём на торг.

– Куда?

– На торг. Нормальные серьги тебе купим.

И вот теперь-то ведьма отстранилась. Рассеянно коснулась своего чудного украшения, потупилась.

– Не могу.

– Отчего же? Подарок тебе будет. Разве вам с бабкой подарков за колдовско не приносят?

– Приносят, – едва слышно прошептала она. – То-то и оно. *Сами* приносят...

– Так вам, бабам, не угодишь! Принесу, скажешь, не то...

Рьян сам себя оборвал. Йага надулась, отошла от окошка, отвернулась, перебирая пучки сухих травок, развешанные на стенах. И так плечи её опустились, так вся ладная фигурка занемела, что и до мужика дойдёт.

– Ты никогда не была в селении?

Йага спрятала лицо в ладонях: не то стыдилась, не то горевала. Рьян хотел было подойти утешить, но не решился.

– Матушка не велит, – тихонько призналась девка.

– Так ты что у неё, взаперти?

– Нет! – Вскочила, горячо замахала. – Нет! Матушка ничего мне не воспрещает! Просто... просит. От людей беды одни...

– Не от людей, а от баб, – поправил молодец. – И что же ты, ни разу её наказ не нарушала?

– Нет, что ты! Я в роще бываю. Часто. На охотников смотрю. И девки по весне ходят песни петь, а я из зарослей подпеваю!

Рьян пальцами зачесал назад волосы, едва не выдрав их от досады. Вот же связался! Теперь просто откупиться от ведьмы не получится. Не бросишь же эту дурёху у бабки под понёвой!

– И что, до старости тут сидеть будешь?

Лохматая нитка не выдержала, оборвалась. В руках у Йаги остался пучок сухой крапивы.

– Матушка любит меня. Беспокоится. Как её расстроить?

– А как тебя расстраивать, так можно? Неужто тебе по сердцу без людей, без подружек в глуши?!

– Есть у меня подружки... Белки, жабы, зайцы...

– Угу, подружки есть, а ума нет. Собирайся, говорю. Хоть раз поглядишь, как люди живут. Ничего твоя старуха не дознается.

Ведьма замахнулась на него крапивой.

– Это так-то ты ей платишь за доброту и за то, что она зелье тебе сварить обещала?

– Это так я тебе плачу. Присмотрел бы, чтоб ничего не случилось. Ты ж всё одно рано или поздно пойдёшь к селу, не утерпишь. А под охраной оно всяко спокойнее. – Рьян плутовски сощурился. – Но коли не хочешь, силком не поташу. Бывай, Йага!

Примерился уже прыгнуть наземь, но девка метнулась к нему и вцепилась в рубашку. Мухоморы так и покатались с подоконника на пол.

– А точно присмотришь?

Рьян взял ведьму за горячие пальцы и пообещал:

– Зубы выбью тому, кто обидеть помыслит.

Глава 5

Девичьи радости

Дочь леса и помыслить не смела, чтобы матушку послушаться! Нет, за нею не следили, за ногу к избе не привязывали. Но раз, загулявшись в роще, она застала Зорку напуганной и заплаканной: решила, что увели кровиночку злые люди. Тогда-то матушка и рассказала, что от больших селений не жди добра, что ведьм не слишком-то жалуют, пока помощь не понадобится, что всякий обидеть может. Йага не верила. Она-то видела, как славно девки водят по березнячку танки², как малые дети играют, как милуются возлюбленные, прячась от чужих глаз. Но видела она также и охотников, ставящих капканы, и озлётных тёток, умоляющих ведьму дать такое средство, чтобы недруг дух испустил. И пообещала из лесу не выходить. Глупая была, юная совсем...

А давши слово – держи. И далее, чем до опушки Йага не забредала ни разу.

Но вот пришёл этот рыжий, и забылся зарок. И вот уже, ругая себя последними словами, Йага чесала спутанные волосы, искала тулупчик, завязывала покрасивше фартук.

Право, ну с ним же лучше, чем одной! А любопытство из года в год меньше не становится...

Поначалу шло гладко. Оставались позади знакомые ёлки, желали доброго пути осины, кланялись голые берёзки. Но едва чаща начала редеть, дочь леса повернула вспять.

– Нет, всё ж я лучше ворочусь... Матушка напугается...

– Родичи вечно пугаются, что ж теперь, вечно у неё под юбкой сидеть?

– Расстроится...

– Для того детей и рожают, им положено матерей расстраивать.

Йага позволила взять себя под руку и повести дальше, но через версту вновь остановилась.

– Нет, нехорошо. Давай мы до опушки только и будет.

– До опушки дойдём, а там сама скажешь, – пообещал Рьян.

– А носят такие фартуки в городе-то?

Фартук и в самом деле был диковинный. Чёрный, с алой нарядной вышивкой. Да только руны на нём были не те, что знакомы каждому Срединнику сизмальства, а какие-то странные, самую малость с буквицами схожие. Но грамотных тут днём с огнём не сыщешь, так что примут за обычный узор.

– В городе – нет, а у вас носят.

Рьяну смешно было, когда селение звали городом. Звалось оно Чернобором, видно потому, что с одной стороны сразу после него начинался непроходимый лес, где и жили ведьмы. И впрямь было крупным: не всякого соседа по имени знаешь. Но чтоб город... Знавал Рьян города, знавал, как бывает, когда на ярмарках не протолкнуться. Такие города отгораживались от пустырей высокими каменными стенами, а не деревянным плетнём, как здесь. В таких городах детей грамоте учат, монеты свои чеканят, законы пишут собственные. А Чернобор что? Тьфу! Плюнуть и растереть!

Но Йага всего этого не знала. Йага робела от предстоящего, страшилась и с тем вместе страстно желала наконец поглядеть, как живут люди в селении, которого так не любила матушка Зорка.

---

² Обрядовый танец с элементами игры

Рожицу она ещё прошла спокойно, но на опушке встала как вкопанная. Молодец не упорствовал. Уселся на траву, подставил бледное лицо солнцу. Осеннее светило играло на его золотых серьгах, гладило рыжие кудри.

– Ну что, обратно?

Она прислонила ко лбу козырёк ладони. В прозрачном холодном воздухе далеко было видеть, аж до самой селянской стены. Ворота её были распахнуты, туда-сюда сновали маленькие точки на ножках. А там, за стеною, поднимался к небу ровными столбиками дымок. Ветер донёс петушиный крик, и от него внутри что-то перевернулось.

– Матушке донесёшь, волков на тебя натравлю! – пообещала ведьма и только тем, кто хорошо знал дочь леса, стало бы ясно: не шутит.

Рыжий легко согласился:

– Да хоть белок!

Плавнo перетёк на ноги, стиснул руку Йаги своей и пошёл с холма вниз. И, кабы не держал её крепко, ведьма точно стремглав кинулась бы назад, то того сердечко трепетало!

По утопанной широкой дороге шагать было странно: не пружинил мягкий мох, не ловили за щиколотки травы. Да и попутчики странные. Шумят, песни горланят. В лесу такой гомон только весной стоит. Йага с любопытством рассматривала всех, кто входил в ворота, кто выходил. Иные на лошадях ехали, и колдовка нутром чуяла усталую гордость животных. Она ждала, что их со Рьяном остановят, спросят, кто такие, но никому до путников и дела не было. Идут себе и идут, не мешают же никому.

Ведьма и не заметила, что уже сама со всей силы вцепилась в руку северянина. А как тут не вцепишься, когда столько народу вокруг! Она столько за всю жизнь не встречала. Заезвешься – мигом заплутаешь. Тут же все дома одинаковые, повороты один с другим схож. Не то что в лесу, где каждое деревце особенное.

Да ещё и улицу – вот же невидаль! – брёвнами мостили. Стучали по ним весело каблучки, падала и со звоном билась посуда. Со всех сторон крики, смех да ругань. Люди вокруг нарядные, весёлые! Неужто в селе всегда так?

– Ой, ты что это?

Девка испуганно шарахнулась от мальчика с лотком пряников, спряталась за спину Рьяна. Но малец обежал рыжего кругом и снова полез к девице.

Был он долговяз и сив, одет по-простому, в небелёную рубаху с заплатами. Оттопыренные уши того и гляди затрепыхались бы, как крылья, поднимая в воздух тощее тельце.

– Купи гостинец, красавица! Себе не хочешь, так ребёночку возьми!

– Нету у меня ребёночка, – растерялась Йага. – А что, надо?

– Ну как же? – Малец выпятил грудь и расправил острые плечи, изо всех сил стараясь выглядеть крупнее. – Как это такая красавица да без ребёночка? Неужто замуж никто не берёт?

– Да я как-то...

Рьян, не мудрствуя, дал пареньку подзатыльник. Он такую шпану знал куда лучше лесной жительницы: сделают вид, что продают что-то, а сами кошель срежут. Но мальчишка ловко увернулся – привычен был.

– А ты что, господин, руки распускаешь? Лучше купи девице гостинец, авось она тогда и замуж за тебя пойдёт!

– Мне такого счастья и даром не надо, – прыснул Рьян.

Йага заливисто рассмеялась.

– Да ну его! Замуж ещё...

Мальчишка победоносно вскинул брови.

– Не замужем, стало быть, красавица? Ну тогда бери так. – Протянул самый румяный пряник. – От меня гостинец будет.

И нырнул обратно в людской поток, тут же в нём и потонул. Дочь леса бережно подняла лакомство к глазам, проследила пальцем сахарный узор, надкусила. Вкусно!

И едва не выронила пряник, потому что рыжий нахал вонзил в него зубы с другой стороны.

– Эй!

– А фто, тefe фалко?

Вообще-то и впрямь было жалко. Это ж ей подарили, не Рьяну! Но Йага смолчала. Только аккуратно завернула в платок угощение да спрятала в карман передника. Проклятый того, вроде, и не заметил, уже тянул её куда-то.

– Туда пошли.

Послушалась. Ну ровно козочка на привязи! Не потеряться бы, и то хорошо. А прохожие, словно нарочно задевали её кто плечом, кто корзиной – всем места не хватало.

Вырвалась да отстала Йага только раз – увидала диво. И вот какое. Мощёная улочка была в городке главной. Сору на ней почти не водилось, а участки перед входами в лавки ещё и мели сами хозяева. Мёл и усатый харчевник. Лесовка знала его, частенько к матушке захаживал за отваром от кишечной хвори. Едва усач вычистил порог, как у дверей встали двое – приземистый рябой паренёк да девка в высоком кокошнике. И принялись грызть орехи, бросая скорлупки под ноги.

– Уважаемый! Уважаемый! – Парень то ли не сразу смекнул, что усач обращается к нему, то ли нарочно глухим притворялся. – Уважаемый! Вы, когда орехи грызёте, шкорлупки с сорную кучу кидайте. Вон туда.

Рябой окинул харчевника брезгливым взглядом, но всё же нехотя согласился:

– Ладно.

И отвернулся. Но харчевнику того показалось мало.

– Не ладно, а прямо сейчас, ты! Подыми да выкинь!

– А ежели не подымет? – влезла девка, уперев руки в бока.

– Так я ж и заставить могу!

– А ты заставь!

Ой, что началось! Лаялись, точно старухи! И родню приплетали, и до самого посадника клялись дойти. Вот этой-то распри Йага и не стерпела. Высвободила осторожно руку из ладони Рьяна, тихонько подошла, взяла у порога метёлку и всё прибрала. Оposля, так же молча, повернулась и побежала к обратно, тут же выбросив случившееся из головы. И только харчевник с рябым молодцем долго смотрели ей вослед и, сказать по правде, ещё и весь следующий день думали...

Вёл её Рьян к ряду столов, выстроившихся вдоль мостовой. Да только на столах тех не угощения разложили, а девкину радость – кольца, бусы, платки, вязаные копытца. Йага никогда столько богатств разом не видала!

– Что встала? Сюда иди!

– И верно, ходи, ходи сюда, красавица! – засуетилась толстая торговка, оттесняя ведьму от товарок. – Выбирай что глянется!

– Нет, спасибо...

Своих денег у Йаги отродясь не водилось, а брать из матушкиного сундука она нипочём бы не стала. Поэтому могла только любоваться. Но Рьян подтянул её поближе.

– Выбирай. Отдарок тебе будет.

Выбирать?! Вот прямо так?!

– За что отдарок-то?

– Ну как? Ты ж диво какая мастерица у печи, – приподнял брови молодец. – А мне за твоё мастерство отплатить надобно.

Такое ведьма понимала. И правда, её чародейство рыжего от утопницы спасло. Можно и принять благодарность. Она осторожно коснулась мизинцем самого махонького невзрачного колечка, но Рьян на него и не взглянул. Цокнул языком и взял серьги с алыми камнями.

– На.

Йага рот разинула. Дорогие же наверняка – вон как сверкают! Она на них не наколдовала! Торговка же свою выгоду быстрее всех смекнула:

– Ах, как хороша в них девка будет! В целом свете другой такой чаровницы не сыскать! За эдакую драгоценность никаких денег не жалко! Пять серебрух!

Ждала, верно, что торг начнётся. Кто ж за стекляшки серебром платит? Сама она за них медь отдала, так что на рынке две серебрухи – красная цена. Но Рьян молча развязал кошель и отсчитал монеты. Соседки купчихи загомонили, подзывая парочку к себе: такой покупатель важный, денег не считает! Но рыжий их не слушал, ведь уже купил, за чем пришёл. Отныне за ним долга перед ведьмой нету.

Торговки обступили их, пихали в лица обрезы ткани, очелья, рубахи... Не вырваться из такого окружения! Хуже волков голодных!

А Йага стояла растерянная, держала в чашечках ладоней серьги с алыми камнями и счастьем своему не верила!

Но счастье, как водится, надолго в одном месте не задерживается. Мигом мудрые боги отправляют его к кому-то другому. Вспорхнуло невесомое наваждение и на этот раз, растворяясь в голубом небе. А теснящихся баб грозным криком распугал возница.

В селении все ходили пешком. Некуда так спешить было, чтобы седлать коня. Но один гордец всё ж нашёлся: ехал не просто на лошадях, а сразу на тройке, с трудом умещающейся на улочке. Оглобли то и дело чиркали по стенам домов. Хомуты ярко выкрашены, расписаны дорогой краской, колокольчики привешены, чтоб издали слышали – важный человек едет! Однако ж нерасторопные всё равно находились. Возница то и дело освистывал зазевавшихся прохожих, угрожающе щёлкал кнутом. Кинулись врассыпную и торговки, одна Йага не двинулась с места.

А наперерез тройке выскочил малец-лоточник. Пряники посыпались с поддона, превратились в крошево, лошади забили копытами, суровый возница едва удержал их. Свистнул хлыст, малец закричал...

– Уби-и-и-и-л! – завизжали бабы, особенно те, что стояли подальше и не застали произошедшего.

Йага же, не думая, подскочила к лоточнику. Тот лежал ни жив ни мёртв, закатив глаза. Но ведьма сразу поняла – с испугу, а не от боли. Хлыст ударил рядом, всего-навсего отгоняя лопухого, но тот на всякий случай уже успел со Светом проститься и стонал как умирающий.

– Выживешь! – весело пообещала ему Йага и поцеловала в лоб для убедительности. Малец разом сел. С такой наградой взаправду умирать грешно!

Но ведьма на второй поцелуй размениваться не стала. Она припустила за повозкой и грозно гаркнула:

– Ты что же это, скотина, делаешь?! – Прежде дочь леса ни на кого не кричала. Не ругалась и подавно. С кем ссориться, когда все звери друзья? Но тут злость вскипела в ней подобно бурлящему на огне отвару. – Стой, кому сказала! Стой!

Возница, а тем паче тот, что ехал в повозке, укрывшись меховым, не по погоде, одеялом, и не обернулись. А Йага, вне себя от ярости, помчалась следом.

Выбежала она на площадь, в которую упиралась деревянная мостовая, – тулупчик растёгнут, грудь высоко вздымается, волосы растрёпаны. И глаза... Глазища жёлтые сверкают по-звериному! Невольно Щура в защитники призовёшь!

Ведьма схватила главную лошадь за сбрую, и та, хоть прежде слыла на диво норовистой с чужими, послушно встала.

Возница замахнулся плетью.

– Куда лезешь, дура?

– Я куда лезу?! А разве не ты добрых людей мало не задавил! Кто тебе такое право дал, отвечай!

– Пошла вон, оборванка! Да батюшка Боров всего города кормилец, посадников побратим! Нашла на кого вякать!

Имена, как известно, никому зазря не дают. Не зазря получил его и тот, кто сидел в повозке. Он поднялся, и иначе как Боровом никто его назвать не решился бы. Толстощёкий, лоснящийся, с туго натянутым камзол пузом. Он неспеша вытащил из кошеля гребешок и пригладил им редкие волоски на плешиевой башке. Убрал на место и тогда только заговорил:

– Пропусти-ка её, Бдарь.

Возница аж задохнулся от возмущения. Вцепился в седую бороду, едва не выдрав.

– Да где ж это видано, батюшка?! Неужто к тебе всякая неумойка по первому же требованию...

– Пропусти, сказал.

Сказал вроде негромко, а старик сразу втянул голову в плечи и спорить поостерёлся. Боров между тем поставил красный сапог с загнутым носком на приступку и тяжело вывалился из повозки.

– Ну иди сюда, что встала, – поманил толстым пальцем с тремя перстнями он.

Зеваки вокруг ахнули – не к добру. Так запросто батюшка Боров ни с кем не балакает, к нему в особый день очередь стоять надо!

Йага же сощурилась и бесстрашно подошла.

– Ты что же это, – сказала она, – как у себя дома тут едешь? Людей пугаешь, мальчика едва не убил!

Холоп всё же вырвал клочок из бороды: вот сейчас ка-а-а-ак даст батюшка девке затрещину! Но Боров повернулся к нему:

– И верно, Бдарь. Что это ты расшумелся? Хлыстом так и хлещешь. Сам хлыста захотел?

Возница упал на колени:

– Помилуй, батюшка!

– Цыц! – И обратился уже к Йаге: – Что ещё?

Больше ничего от важного человека Йаге было не надобно, но она подумала и добавила:

– И мог бы не в повозке гоголем ехать, а ногами дойти. Небось не развалился бы!

Боров захохотал точно в бочку, пузо затряслось в такт.

– Ладно, отныне стану пешком ходить. Ещё чего хочешь?

Йага развела руками, с удивлением обнаружив в стиснутом кулаке серьги. Убрала их в передник к прянику и закончила:

– И вообще добрее к людям надо быть. Вот.

– Ну как прикажешь, горлица. Вот с тебя и начну. Полезай в повозку, отвезу в хоромы, угощу сладким мёдом.

– Нет, спасибо, – мотнула головой девка и собралась уже уйти, да не пустили.

Пальцы Борова были хоть и толсты, а сила в них скрывалась недюжинная. Эти-то пальцы и стиснули загорелое запястье ведьмы.

– Сама вылезла, хвостом повертела, так теперь и ответ держи. Залазь, кому сказал!

– Не перечь, девонька! Слушайся! – взмолился Бдарь. Он-то точно знал, на ком Боров сорвёт злость, чуть что.

– Да не полезу я. Вот ещё!

– Полезешь, ещё как полезешь, – пообещал батюшка. – А я тебе опосля перстенёк дам, не обижу.

Бдарь подбежал, упёрся ей в спину, подталкивая.

– Полезай, полезай, дочка! Никого ещё батюшка не обделил!

– Да вы никак белены объелись? Пустите! – Йага рванулась раз, другой – крепко держат. – Пустите! – потребовала она уже всерьёз.

Да не станут же её неволить? День белый на дворе, людей вон сколько вокруг...

Станут. И люди стыдливо отворачивались, и Боров хватку не ослаблял.

Кто-то из старух посоветовал:

– Не противься, дочка! Поехала бы...

– Отстаньте!

Йага пустила в ход зубы. Боров разжал одну руку, но тут же вцепился другой – уже в лиф сарафана.

– Давненько я таких норовистых кобылок не объезжал! – ухмыльнулся он. – Добре!

Слюнявый рот, растянувшийся в улыбке, был совсем рядом. Крошки пирогов собрались в уголках толстых губ. Девку замутило. Земля поплыла из-под ног, но почти сразу знакомый звенящий от ярости голос вернул её на место.

– А по зубам ли лакомство, друг? Точно прожжёшь всё, что откусил?

И кулак ударил аккурат в те самые зубы. Выбил. Как и обещал.

Боров заорал, плюясь кровью, а Рьян отдёргнул от него Йагу, завёл себе за спину и добавил батюшке Борову промеж ног.

Холоп попытался было вступить за хозяина, но к нему подоспел давешний лоточник, ударил под коленом и был таков.

– Вот тебе! – крикнула Йага, точно это она отлупила нахала, а не добрый молодец.

– Молчала бы лучше, – процедил Рьян. – Был он ещё бледнее обычного, словно не победителем в драке вышел, а сам получил на орехи. Крепко зажмурился, втянул голову в плечи. – Пошли отсюда. Живо.

Девка вцепилась в его локоть, но и двух шагов не прошла, как проклятый почти повис на ней, тяжело дыша.

– Уведи меня. Скорее.

Запахло зверем. Что-то страшное поднималось из живота молодца, что-то, с чем он никак сам не мог справиться. Не чаяла Йага ещё раз увидеть, как проклятье Рьяна выползает наружу, ан пришлось. Она перекинула его руку через шею, поднатужилась... Нет, никак им не поспеть из города выйти. Ещё и шум позади нарастал – кто лез выслужиться перед Боровом и тянул ему подобранный с мостовой зуб, кто, напротив, злорадствовал.

Йага сумела только нырнуть в закоулок позади торгового, куда заметали всякий сор. Почти доволокла Рьяна до кучи прелых листьев, и проклятье хлынуло из берегов.

Глава 6

Зверь

Чернота...

Она хлынула в глотку, в глаза, в самый рассудок. Рьян кашлял, захлёбывался, пытался вдохнуть, но вокруг была только тёмная, вязкая, липкая... Она смолой налипала на кожу, жгла раскалённым железом. Он срывал ей вместе с мясом, обнажая кости, но она заливала его снова.

«Не хочу! Не могу больше!»

Он пытался вынырнуть из этой полноводной кипящей реки, но проклятье тянуло на дно. Оно отнимало воздух и давило на голову: подчинись! Растворись! Забудься! Нет тебя! Нет и не было никогда! Был только зверь!

«Я здесь! Я настоящий! Я жил! Я буду жить!»

Но в горле клокотала одна лишь тьма. Не слова, а рык рвался из нутра. Уже и не понять, о чём кричит молодец... Да и некому понимать. Он один в этом бурлящем потоке, нет ни острова, ни корабля. Никого рядом нет, да и не было с самого его детства.

Один. Всегда один. И только Проклятье следует за ним по пятам.

Искру разума захлестнуло волною. Зашипело, угасая, сознание. Боль прорезала губы, изломила суставы. Не спрятаться от неё, не скрыться. Лучше уж и вовсе не противиться, пусть скорее всё кончится.

Вспыхнувший огонёк помстился насмешкой. Нет в этой реке света, Рьян то точно знал. Но огонёк не пропадал. Он держался совсем близко – руку протяни и коснёшься. Молодец барахтался в проклятье, снова и снова терял пламень из виду, но тот ждал. Оставался рядом.

«Помоги мне!»

Чёрная жижа морщилась, отступала от света.

«Вытащи меня!»

Крошечный пламень... нет, не пламень. Листок дубовый. Сияющий каждой жилкой, плывущий по беспокойной смоляной реке супротив течения, он не тонул. И показался вдруг не листом – настоящей лодкой, плотом спасительным!

Рьян потянулся к нему, а проклятье, почуяв, что добыча вот-вот вырвется, схватило его за ноги. Ещё маленько! Ещё самую капельку!

Когда кончики пальцев коснулись пламени, стало невыносимо светло. Чёрная река вскипела, сияясь выплюнуть жертву.

И Рьян открыл глаза.

Голова покоилась на коленях у лесной ведьмы. Та тихонько что-то напевала и перебирала его волосы. А потом улыбнулась, и улыбка её будто бы ослепила молодца.

– Что не сбежала? – первым делом спросил Рьян.

– От чего бы?

– Ты же видела.

Йага пожала плечами.

– Я много чего повидала. И бегать приходилось нечасто.

Молодец осторожно сел. Тело возмущалось, ныло. Как и всегда, когда проклятье брало верх. Рубаху изорвало в клочья, но что-то из одежды ведьма, вроде, успела с него стянуть – вон, лежит рядом, аккуратно свёрнутая.

Пятно на щеке жгло уже от подбородка до брови. Плохо...

До их тёмного закуточка доносился шум с площади. Болтали люди, зазывали к себе торговцы, глашатай перекрикивал гомон. Но никто не спасался в ужасе, не голосил как резаный.

Пахло прелыми листьями и гнилыми яблоками – не кровью. Неужто зверь сжалился и не учинил расправу? Да и как сама ведьма уцелела?

Рьян осторожно натянул на себя, что осталось из одежды. Порадовался, что сапоги вновь уцелели. Хотел было как-то объясниться. Перепугал же небось девку. Но та не требовала, вопросов не задавала. Когда же молодец устало опустился на землю и прислонился спиной к стене, коснулась его колена и сказала:

– Такое, значит, у тебя проклятье.

Не спрашивала, говорила спокойно и уверенно.

– Такое...

Теперь начнёт пытаться: как угораздило, убивал ли, отчего в глухом лесу не схоронился, чтоб ненароком кому не навредить?

– Больно?

Рьян вздрогнул. Давно ему таких вопросов не задавали. Придумала тоже! Мамку, что ли, изображать станет?! Он досадливо дёрнул коленом, скидывая руку ведьмы.

– Не твоего ума дело.

– А зверем ты поговорчивее, чем человеком. – Злой румянец вспыхнул на загорелых щеках, и Рьян лишь теперь заметил тёмные пятна веснушек на них. – И поприятнее.

Она вскочила, и молодец за нею.

– А я к тебе в друзья и не набивался!

– А я и не взяла бы!

– Зато серьги ничего, взяла. Бабы!

Йага открыла рот ответить что-то обидное, но захлопнула его. Не глядя залезла в карман передника, достала подарок – серьги с алыми камнями – и швырнула Рьяну. Тот поймал на лету, а прежде того успел пожалеть, что ляпнул. Но сказанного не воротить, а дочь леса уже выскочила из переулочка на освещённую солнцем площадь, точно кипятком её облили.

А на площади начиналось действие. Отец-Небо успел перекатить огненное колесо к западу, и теперь оно обнимало красноватыми лучами лоточников, столы с товарами и толпу зевак, ставшую теснее прежнего. И только небольшое возвышение, обложенное хворостом, словно бы темнело в круге света.

Рьян мысленно застонал. Это надо же было именно сегодня вытянуть дикую девку из леса! Прислушайся он к усмарю, в доме которого жил, маленько лучше, понял бы, что за праздник готовят в Черноборе! А он услышал про торг, а дальше разбираться не стал. Вот дурень!

И Йага, как на зло, не отправилась восвояси. Ей, ясно, стало любопытно, для чего народ собирается! И она позволила толпе отнестись ближе к возвышению, откуда продолжал вещать охрипший глашатай.

– Пожалуйста, гости дорогие, пожалуйста! Поклонимся отцу Небу за богатый урожай, накормим мать Землю за дары, коими она поделилась со своими чадами!

Рьян ломанулся вперёд, но не тут-то было! К подножию подходил старый-престарый дед. Борода его подметала землю. Но не оттого, что была дивно длинна, а оттого, что сам старик согнулся в пояс и едва двигался. За обе руки его поддерживали молодые нарядные парни – честь великая!

Каждый пытался хоть одежды старца коснуться, хоть на тень наступить. И до того плотно стояли, что не протолкнуться!

– Куда прёшь, рыжий?!

– Понаехали тут! Звал их кто...

Вслед северянину сыпались ругательства. И верно, не любили в Срединных землях таких, как он. Живы ещё были те, кто застал немирные времена между соседними царствиями. Да и, что уж греха таить, Рьян и сам любви к срединникам не питал по той же самой причине. Вот только его жизнь сломал мир между странами, а не немирье.

Жрец между тем влез к глашатаю. Где-то рядом мелькнула копна волос цвета дубового корня. Близко... Слишком близко! Не поспеть вытащить ведьму до обряда!

А обряды у срединников были – Рьян ведал, какие. Не всякий раз подобное случалось, но копь урожай собирали добрый, копь лето минуло жаркое да с дождями, копь есть, за что богов благодарить... Ох!

По мостовой ехала повозка. Запряжены в неё были дюжие молодцы, волокли – чуть не глаза из орбит вылезали! А как иначе-то, когда волокли не воз на колёсах, а лодчонку, доверху заполненную снопами золотого зерна. На снопах сверху сидела девка. Такие в Срединных землях писаными красавицами зовутся! Крепенькая, сытая, коса до пояса, румянец на щеках алый, лихорадочный. Вот только глаза... Глаза смотрели не перед собою. Не на везущих её молодцев, не на жреца. Смотрели они куда-то, куда смертным смотреть не дозволено. Но то смертным. Девка же сегодня – божий дар. Глазами всевидящих и глядела.

И сказал бы Рьян, что девица красива, да рот её был приоткрыт, а из уголков губ тянулись ниточки слюны. Видно, по своей воле на снопах бы не усидела...

А народ вокруг радовался! Потрясал пучками колосьев, славил отца Небо и мать Землю, славил Ладушку – так звали хорошуку, вызвавшуюся возглавить Праздник Урожая. Дурной обычай – играть в веселие, когда впору лить слёзы...

Вот подволокли лодчонку. Жрец кивнул, и молодцы выпряглись, дождались подмоги и все разом подняли дар богам на руки, переставили на хворост. Девка только качнулась, но более не двигалась.

Старец мазнул бородой по деревянным доскам, взобрался по приступке на край лодки – сам, без помощников! – и встал. Разом поясицу разогнул, как молоденький. Не глядя протянул руку, и один из провожатых вложил в неё широкий нож.

Рьян рванулся вперёд. Пусть уж ругают, пусть поносят последними словами и плюют в спину, но ведьму надо уводить. Негоже, чтобы так её селение встретило...

– Светлый отец Небо! – Жрец осёкся, голос его стал болезненно высок, но быстро окреп. – Чёрная мать Земля! Вашей волею согрет урожай, вашей волею собраны плоды! – Старик коснулся щеки опоённой девицы, но та, словно на миг очнувшись, оттолкнула морщинистую ладонь.

Йага стояла совсем близко к жрецу, прижатая напирющими людьми. Те так и лезли – всем хотелось кинуть в воз, ожидающий дороги в небо, и свои колосья тоже. Ведь с ними вместе отправятся в мир иной беды и горести, грехи, что успели за год отяготить жителей Чернобора!

Рьян распахивал празднующих, но те пихались так же старательно. Нет, не поспеть!

– Вашими заботами не случится в нашем краю хворей, отступят... – голос вновь дрогнул, – отступят болезни, не сгниёт урожай, не поляжет скот! Вашими заботами солнышко взойдёт, а дождь умоет нас! Примите же, Боги, жертву добровольную! Отправляем в ваши объятия первую красавицу. Пусть напоит она вас, пусть накормит нашим угощением, пусть согреет постель отца Небо, пока мать Земля станет почивать под белым пологом!

Ещё не договорив, жрец собрал в кулак волосы Лады на затылке, запрокинул ей голову. Всклипнул, точно с девкою вместе затухала часть его собственной души, и ножом чиркнул по горлу.

Хорош был нож, остёр. Девка и не вскрикнула.

Закричала другая. Йага закрыла ладонями вмиг побледневшее лицо, но даже так было видать несколько брызг, попавших на него.

Рьян успел только теперь. Преградившего ему путь мужика попросту снёс, схватил ведьму, силой повернул к себе и обнял. Ну и что тут скажешь?!

Плюнул на помост, одарив жреца таким взглядом, от которого у иных людей мороз по коже бежит. Старик ответил ему пустым безжизненным взглядом. Взял протянутое огниво,

высек искры... Хорошо занялась пшеница! Так хорошо, что сразу потонуло в дыму недвижимое тело девки, при жизни звавшейся Ладой.

Уйти с площади им никто не мешал. Люди всё больше стремились, наоборот, застать действо. Они пели и кричали, спеша закинуть в разгорающийся костёр колосья вместе со своими бедами. И ведать не ведали, что, избавляясь от старых грехов, повесили на себя новый, куда как страшнее.

***

Лесная ведьма походила на мертвянку. Ноги переставляла, сворачивала послушно, где надо, не противилась, когда Рьян её под локти придерживал. И не молвила ни слова. До тех самых пор, пока не показалась в чаще изба на курах и коровьи черепа на шестах, охраняющие её.

Тогда Йага открыла рот:

– Права была матушка. В городе и правда ничего хорошего. – Она высвободилась и пошла к дому. Тихо закончила: – Да и в людях тоже.

И так вдруг стало горько молодцу! Так не по себе!

– Постой!

Йага встала, но не обернулась.

Ну что тут скажешь?! Правда ведь лучше вовсе из леса носу не казать, чем на такое вот гуляние забрести! Он догнал ведьму и протянул ей сжатый кулак. Раскрыл пальцы.

– Вот, возьми. Я их тебе покупал.

Серьги сверкали алыми брызгами, почти такими же, как попали на лицо ведьме. Она покачала головой.

– Возьми!

Рьян сдвинул брови, упрямо подал серьги вдругорядь, а девка возьми да и хлопни его по ладони! Так и полетели сверкающие каменья в жухлую траву, там и сгнули.

– Уходи, – велела она.

– Вот ещё! Сам решу, когда приходить, а когда восвоюси собираться!

С Йагой он бы, может, ещё поспорил. Авось и доспорился б до чего. Но перед избушкой вдруг возникла Зорка. Прямо из ниоткуда: только что пустой пятачок двора был, и вдруг глядь – стоит! И смотрела она поверх плеча дочери прямо на проклятого. Так смотрела, что хоть вешайся! Поняла...

– Ходи в избу, доченька, – ласково позвала она, и Йага послушалась.

Зорка ободряюще погладила её по волосам, когда та проходила мимо. Когда же закрылась за Йагой дверь, вновь повернулась к молодцу. И у того ажно во рту пересохло.

Воздух сгустился, потемнел. Старуха плыла по нему как неотвратимая тень. Седые взъерошенные космы торчали в стороны, ровно ветром их подняло, глаза смотрели не мигая. Чёрные глаза, нечеловеческие. С золотым зрачком, какой встречается у диких зверей.

Рьян не попятился. Не привык он пятиться. Грудью готовился встретить беду. И беда себя ждать не заставила.

Р-р-р-раз!

Свистнуло над ухом, мелькнуло что-то перед самым носом – и по лицу расплылась кровь. Три алые полосы разукрасили бледную кожу северянина. Рука Зорки, нечеловеческая рука, но и не звериная, осталась поднятой. Пальцы её были темны, словно бы перьями покрыты, когти острые, как у птицы хищной.

Рьян руду не стал утирать. Так и чуял горячие ручейки.

– Я оплошал, – процедил он сквозь зубы.

Что уж, взаправду он дел натворил, напугал девку. Но разве то его вина?! Нет уж, гнуть спину, кланяться, прощения просить, а тем паче пощады, он не станет!

– Оплошал? Оплошал?!

Она не кричала даже. Рычала так, что слов не разобрать. Опустила руку ещё раз, готовая располосовать поганую рожу северянина. Но дважды Рьян себя задеть не дал: увернулся.

– Оплошал, – повторил он. – Но зла не желал.

Зорка не то оскалилась, не то улыбнулась. И зубы её тоже мало общего с людскими имели.

– Не желал он зла, добрые боги! Он зла не желал! А принёс в наш дом Лихо! Приволок на закорках и на печь посадил!

– Я за ваши обычаи не в ответе. В ваших краях богам жертвы приносят, не в моих!

Седые тонкие волосы стояли дыбом. Точно саван похоронный из тончайшей невесомой ткани.

– Нету твоих и чужих краёв, чужак! Есть Людые и есть Безлюдые. И одно с другим мешать не след! Йаге не место в городе! Не место среди таких, как ты!

Она кинулась, но Рьян ловко кувыркнулся и ударил ведьму по ноге. Помнит ещё тело, как сражаться! Не всё из него выбили, как ни старались!

Старуха припала на колено, тяжело дыша. Не тот у неё возраст, да и сила не та, чтобы одним своим видом изгонять чужаков из леса.

– А может рядом с тобой ей не место? Может старая ведьма её взаперти держит, потому что сама боится? Может и не дочь она тебе вовсе, а младенец похищенный?!

Малым детям вечно враки перед сном рассказывают. И что за беда, коли чадо нелюбимое, чужое? Всё одно уложить в кровать надобно. Рассказывали Рьяну и такие враки, в которых нечистая сила, не умея свой род продолжить по воле богов, выбирала себе ребёнка из людей. И ежели не было на том защитного коловорота, ежели мать с отцом не принесли требу и не возложили венец на младенца, не было у него силы противиться зову нелюдьев. Утаскивали они его в темноту: в тень у печи, в колодец, в чашу лесную... Утаскивали и внушали, что там он и уродился на свет. И младенец вырос, не зная родных, да и вовсе не ведая, какой он крови.

Угадал.

Зорка уперла ладони в землю. Когти втянулись, чёрные перья опали. Седые космы легли на плечи вдовьим платком. Глядела она на собственные морщинистые пальцы и, как знать, себя ли убеждала или Рьяна.

– Йага – дар леса. Наше дитя, безлюдное! Лес её мне принёс, и только лес забрать сможет. А не ты.

Ох и тяжело далось ей это, ажно костки захрустели! Но ведьма взвилась в воздух, превращаясь мало не в чёрную тучу, нависла над Рьяном.

– Убирайся, чужак! Не будет тебе помощи! И прощения не будет! Убирайся и не смей возвращаться в мой лес, не то пожалеешь!

И упала в траву перекошенным комком тряпок.

Молодец зарычал. Проклятье вспенилось в животе, подступило к глотке...

Но выстрелило закатными лучами солнышко, осветило двор. Вспыхнули красные камени серёг в траве. Рьян проглотил комок в горле да и пошёл обратно в город. Людые, Безлюдые... Нигде-то ему места нет.

Глава 7

Безлюдье

Жёлтые звериные глаза слепо глядели в потолок. Пред ними стоял согбенный старостью жрец. Одна рука его держала девку за волосы, вторая, с ножом, чиркала по горлу. Снова и снова. Раз за разом багряный зев раскрывался и зарастал, чтобы снова расцвести смертельным бутонем.

Вот каковы люди...

Те, что приходят за помощью, приносят свежий творог и масло, благодарят... Те же самые, что кидали колосья в жертвенный костёр. Те, что поили Мать Землю кровью и кормили едким дымом Отца Небо.

Не бывать ей среди них. И им не бывать в её лесу! Отныне и впредь.

Йага села, ступила на холодный пол. Матушка подняла глаза от работы, плотнее запахла вязаный платок – с вечера всё сильнее зябла. Но слова не сказала. Не остановить ведьму, когда колдовство уже зреет в жилах.

Крыльцо скрипнуло, и жабы, живущие под ним, выскочили проверить, кто потревожил их в поздний час. Свои! Лесная госпожа не обидит. Самая толстая и бородавчатая скакнула к девке, а та и не вздрогнула от холодного прикосновения. Спустилась по ступенькам в мягкую перину тумана, тот верным псом прильнул к голым ногам.

Йага пошла в темноту. Вроде та же самая темнота, какой малых детей во враках пугают, а для неё – друг любезный. Мать и отец, брат и любимый. Тьма ласково обняла ведьму за плечи.

Дочь леса и не заметила валяющихся в грязи серёг, прошла мимо. Не испугалась, когда вылезли из-под коряг гадюки, когда за нею увязались лохматые нечистики без рук и ног. Она плыла в тумане, и дорога сама стелилась перед нею, подставляла мягкий мох под ступни, отводила мокрые ветки, чтоб ненароком по лицу не хлестнули. И тени ползли позади, заливая следы чернотой.

Не замедлилась и когда пред нею задрожало болото. Туман накрыл его одеялом – не разглядеть, где топь, где кочки. А ведьма и не глядела. Она знала. Прошла по скользкой коряге, вслепую переступила бочаг.

Любопытные вороны спустились с раскошшегося дуба пониже: посторожить, как станет девка скидывать рубашонку. Девка и скинула, оставшись укутанная одним лишь туманом. И принялась танцевать.

Нагое тело плыло в белёсых нитях влаги, пальцы рисовали чародейский узор, и он не пропадал из воздуха, а повисал чёрным густым дымом. Ведьма падала на колени и плавно поднималась; изгибалась, крутила головою. Густые волосы падали на лоб, ладони скользили по бёдрам и груди – ведьма!

Змеи и жабы, нечистики и чёрные птицы, сам туман и тени – всё закручивалось вьюгой, стягивалось тугим узлом. Станет он крепок, как слово колдовское, нерушим, как сама чаша. И тогда ни единый живой человек боле не войдёт в их лес. Тогда навеки разделятся Людые и Безлюдье. Тогда сбережёт ведьма своё царство от тех, кто забыл, как разговаривать с богами!

Лес плясал вместе с Йагой, отзывался на каждое движение, на поворот и вздох... Но не весь. Что-то чужое было рядом, недвижимое.

Ведьма остановилась, вытянула вперёд руки с сомкнутыми ладонями и развела их в стороны, будто бы воду загребла. Туман повиновался, разделился надвое. И открыл взору молодца, что стоял под дубом. Кулаки сжаты, руки по швам... Упрямый!

Какая иная девка кинулась бы прятать свою наготу. Йага же гордо вскинула подбородок. А Рьян стоял перед нею, стиснув челюсти так сильно, что скулы проступили, и не думал уходить!

– Убирайся, пока жив.

– Нет, – спокойно отозвался проклятый.

– Мы не станем тебе помогать. Ни я. Ни матушка. Ни наш лес. Убирайся.

Он поднял на неё глаза. Голубые, светлые – такие не встречаются в срединных землях!

И пошёл вперёд.

– Убирайся!

По велению ведьмы, на него кинулись нечистики, но северянин раскидал их, как собак бездомных.

– Пошёл прочь!

А он не отступал. Вот уже совсем близко. Что сделает с нагой беззащитной девкой?

Вот только Йага беззащитной не была. Весь лес за неё!

Туман удавкой захлестнул молодца, тени налетели голодной стаей. А он шёл, как супротив бури, шёл и не останавливался!

Вороны норовили выклевывать бесстыжие глаза, водяницы высунули из болота прозрачные руки, вцепились в сапоги.

Рьян упал... оттолкнул жадные длани мертвянок, пошёл дальше.

Молвил бы хоть слово! Молвил бы... Кабы знал, какое!

Старый жрец шёл так к помосту. Не глядя по сторонам, едва передвигая ноги. Шёл к цели, не сворачивая. Йаге помстился нож в кулаке проклятого. Схватит одной рукою за волосы, а второй, с ножом...

– Ни один человек больше не ступит в мой лес! – закричала она. – Ни один!

– Пусть так, – с трудом вытолкнул из горла он. – Пусть не ступит. Но я и не человек вроде.

Ведьма взмахнула руками, к которым приросла тень крыльев, страшный ветер свалил Рьяна, обернул на спину. Утопницы вцепились в рыжие вихры, потянули в трясины. Болото ожило, чавкнуло, норовя заглотить добычу. Чёрное, голодное! Как проклятье...

Не вырваться человеку из ловушки. Человеку не вырваться, а тому, кто нынче зверь боле, чем человек, можно. Рьян зажмурился, впервые призывая проклятье добровольно, и то с готовностью наделило мышцы силой, рвануло молодца вверх, повело к ведьме.

– Йага!

– Уйди! Уйди пожалуйста!

Ох и страшно ей было! Никогда ведовица не хлебала большой ложкой такой ужас! Только там, на площади, возле жреца.

Лес не мог справиться с непокорным северянином!

Рьян стиснул её плечи. Больно, синяки останутся. И рявкнул:

– Прости! Прости меня, слышишь?! Прости, ведьма!

А что ещё сказать, когда в разуме царствует зверь? Он прижал её к себе, тесно-тесно! Горячее тело, нагое, гибкое, желанное!

Собрал в пригоршню её волосы, заставил запрокинуть голову и впился губами в губы.

Горько! Жарко! В голове дурно и ноги словно бы опору теряют.

Йага ударила его, пнула, пихнула... А он только сильнее прижимает!

Оторвался на мгновение. Не разжимая рук, не выпуская волос, до боли оттягивая пряди назад... Хотел молвить что-то. Открыл рот вдохнул и не выдержал – снова прильнул к горячим губам.

Затрещала рубаха под вцепившимися в неё девичьими пальцами, застонал Рьян. Проклятье полилось сплошным потоком: забрать, завладеть! Моё, моё, моё!

Клыки выросли вместо зубов, рыжая шерсть проступила вдоль хребта, кости затрещали...

Он упал на колени, Йага едва отпрыгнуть успела, спешно попятилась. Проклятый сгорбился, вывернул суставы.

И встал перед лесной госпожой не рыжий северянин, а медведь. Огромный, ревущий. Только шерсть осталась медной. Да на половину морды разрослась проплешина, словно бы горячей головнёй приложили. И – вот диво! – золотые кольца из ушей никуда не делись, так и висели, утопая в шерсти.

Зверь поднялся на задние лапы, развернул широкую грудь, открыл пасть. Жутким был его рык! Не то рык, не то стон, не то плач. Свистящее дыхание вырывалось из ноздрей, сверкали кинжалами когти.

Порвёт!

Видала Йага зверя и прежде. Дважды уже довелось с ним встретиться, оба раза уцелев. Но тогда проклятье не вошло в полную силу. Тогда оставался северянин изломанным, звероподобным, но всё ж человеком. Пусть и с вытянутой страшной харей да когтями. Теперь же Рьян сменил облик целиком. И осталась ли в нём хоть толика рассудка, того Йага не ведала.

Бежать бы... На дерево влезть, нечистиков да мертвянок призвать в помощники. Но ведьма раскрыла объятия и молвила:

– Ходи сюда!

Медведь встал как вкопанный. Зарычал недоверчиво, попятился.

– Ходи, не обижу!

Глупая ведьма! Да разве можно обидеть эдакую зверюгу! Неужто голая девка опасней чудища?

Зверь наклонил морду, принялся.

– Ну же!

Осторожно переступил с лапы на лапу, оскалился и кинулся.

Не дрогнула ведьма, не шелохнулась. И глазом не моргнула!

А оборотень остановился в двух локтях, упал на брюхо и горестно заревел! Подполз к ней, уложил страшную харю на колени, и лесная госпожа безбоязненно запустила пальцы в рыжую шерсть.

– Больно. Знаю, милый, знаю. Не горюй, не брошу тебя.

Туман спрятал их седыми космами от хитрых ворон. Нечистики выкатились из-под прелой листвы, ткнулись влажными носами в горячий медвежий бок. Зверь закрыл глаза и боялся глубоко вдохнуть, чтобы ведьма не отняла горячих рук. Пусть продолжает перебирать шерсть, пусть чешет за ухом. Пусть хоть вечность так...

Ох не след лезть не в своё дело! За просто так эдакой бедой никого не наградят. И сила, что сделала с Рьяном подобное, так и витала вокруг него тучей. Большая сила, редкая! Не совладать...

Но Йага чуяла муку проклятого, страх и тоску. Чуяла одиночество. Такое, что только быть и остаётся. Человека она, быть может, и сумела бы бросить. Знала же теперь, каковы люди. Но не зверя.

– Пойдём, милый, – ласково позвала она. – Пойдём со мной.

Медведь заворчал: хорошо ему, тепло. К чему двигаться? Так вот до весны можно и лежать. Но девка упорствовала, пришлось подчиниться.

Нечистики с писком прыснули в стороны, когда он поднялся и отряхнулся. Мертвянки нырнули в трясину, когда глухо рыкнул на них: ишь, подглядывают! И только ведьма бесстрашно положила ладонь медведю на загривок и повела его туда, где в тугой клубок завивался туман.

Густая дымка висела над трясиной. Подрагивала, словно живое сердце, а в самой серёдке темнела. К ней дочь леса и направлялась. И не было ей дела, что под босыми стопами булькает болото, что не видать ни зги, что торчат окрест кривые коряги ровно кости обугленные. Она шла твёрдо и не боялась. Она была дома.

А медведь шёл за нею, потому что всем своим существом знал, что на любую погибель согласен, что последний вдох отдаст и пушистым ковром ляжет, лишь бы у её ног.

Йага остановилась и низко поклонилась, коснувшись ногтями сырого мха.

– Впусти нас, господине.

Коряги зашевелились. Медведь вздыбил шерсть, зарычал, но ведьма крепко удержала его за ухо.

– Спокойно, милый.

Ветки поползли из трясины, сплетаясь одна с другой. До коленей поднялись, до пояса, а там и выше роста стали. Зверь озирался, но с места не двигался: не велено.

Когда же чёрные кривые пальцы сплелись в купол, туман загустел так, что собственного носа не разглядишь. И только девичьи пальцы успокаивающе сжимали шерсть на лохматом загривке.

А потом захрустел, натужно раскрываясь, бутон из чёрных побегов, и от яркого света нестерпимо стало глазам.

Сказывают, *тот свет* немногим показывается. И ежели доведётся раз на нём побывать, уже не выбросишь из головы образ. Верно сказывают.

Ещё балакают, что реки там из парного молока, а берега – чистый кисель. Тут врут, конечно, но всё ж любая врака из чего-то да родится.

Река и впрямь была. И серебрилась она так, что немудрено назвать белым молоком. Бурлил и пенился поток! Не то чистый туман бежал по руслу, не то диковинная вода, не то попросту небо отражалось. А небо – загляденье! Светлое-светлое! Летним днём такое не всегда случается. Солнца только на нём не было, светил сам небесный купол. Берега же... кисель-не кисель, а мягкие. Столько сочных трав, пушистых кочек – ковёр зелёный! Медведь неуверенно переступил с лапы на лапу. Поднял одну, принялся, лизнул. Въяве ли?

А вокруг дремал, перешёптываясь листьями, весенний лес. Пьяняще пахло черёмухой, и птицы щебетали – ажно уши закладывало.

Прятались за берёзами русалки, хихикали из кустов лесовички, мохнатые нечистики носились по опушке.

Не было только людей. Да и откуда бы людям в Безлюдье взяться?

Йага нырнула в заросли орешника.

– Ну где ты там? Рьян!

Медведь, может, и не уразумел, что его зовут, но двинулся на голос.

В лесу же стоял дуб. Высоченный-высоченный! Макушкой небо подпирает, корнями в подземную огненную реку врос. Ветвями же соединял Людые с Безлюдьем.

Ведьма почтительно опустила пред ним на колени, коснулась теменем узловатых корней, выступающих из травы.

– Здрав будь, батюшка! Помоги, не оставь!

Зелёные листья зашелестели, приветствуя дар леса, весёлая русалка скинула вниз жёлудь, аккуратно в лоб медведю попала.

– Ты справедлив и мудр, батюшка. Тебе ведомы все пути-дороги, все судьбы известны. Ты один над ними властен. Смилуйся, дай средство другу проклятье связать.

Ветви недобро заскрипели. Высок дуб, могуч. Отзовётся ли?

Прежде, чем Йага о том задумалась, из травы показалось навершие ножа. Оно поднималось, как цветок – вот-вот созреет. Когда же рукоять высунулась целиком, Йага схватилась за неё и дёрнула.

– Благодарствую, батюшка!

Отбежала несколько шагов, огляделась. Приметила старый пенёк: тронь – на труху рассыплется. Вонзила в него лезвие, поманила медведя.

Тот недоверчиво бочком подошёл, но девка ждать не стала – схватила его за ухо и потянула.

– Прыгай, – велела она.

Медведь обнажил зубы. Не любил он колдовства что человеком, что зверем.

Ведьма нахмурилась.

– Прыгай немедленно! Вот же бестолочь! Прыгай, не то так зверем и оставлю!

Покорился ли рыжий или ведьма уж очень сильно дёрнула, но медведь сиганул прямо через пенёк, через нож колдовской, кувыркнулся... и в траву упал добрым молодцем. Распластал руки крестом, глядя в слепяще-светлое небо, и как заругается! Срамные слова говорил, которые честной девке и слышать не след. А Йага знай хохочет!

– Всё ж таки медведем ты мне больше по нраву! – отсмеявшись, призналась она.

***

Они сидели под зелёным дубом плечо в плечо, стараясь не глядеть один на другого. Нагие, растерянные. Йага плела венок из полевых трав, а Рьян крутил чародейский нож и никак не мог взять в толк, спасло его поганое колдовство или всё же хуже прежнего сделало.

Нож был самый что ни на есть обыкновенный. Не резной кинжал с камнями, какие дарят большим людям на праздники, не тусклый с затёртой рукоятью, многожды хлебнувший крови. Этот был таким, каким хозяйки морковь режут. Стыдоба одна, а не средство волшебное!

Рьян с размаху вонзил нож в землю.

– И что теперь, расколдовала ты меня? Не нужно оказалось никакое зелье?

Щека горела огнём. Пекло уже до середины лба. Выходит, что не расколдовала...

Девка приложила цветочную косу ко лбу, но та оказалась коротковата. Потянулась сорвать нахально синеющий василёк, ничуть не смущаясь вида ни своего, ни Рьяна.

Молодец скрипнул зубами и с усилием отвернулся.

– Вот ещё. Твоё проклятие сильное, сразу и не разберёшь. Матушка вон сколько времени думает, никак не разгадает.

Рьян выдернул нож, взялся за остриё двумя пальцами и кинул вдругорядь. Лезвие вонзилось ровнёшенько так же и в то же место.

– Старухе до меня и дела нет.

– Что говоришь такое?! Матушка помочь хочет!

– Помочь? – Он искривил угол рта и тронул привешенный к шее туесок. – Вот что она хочет, а не помочь! Сама небось не знает, что делает, а плату упускать не желает. Никто за просто так никому не помогает...

– А я? – Венок покорно сплетался затейливым узлом в смуглых пальцах. – Ты теперь когда пожелаешь перекидываться можешь, а не на удачу! Я, скажешь, тоже плату с тебя взять хочу за помощь?

– Да такая помощь хуже немощи! – повысил голос Рьян. – Ты не избавила меня от проклятья, а колдуном поганым сделала! Как мамка твоя. Как... ты! Было у меня одно проклятье, а теперь целых два!

Йага закусила губу, чтобы не выпустить обидных слов. А слова рвались, ох как рвались!

– Тебе страшно, – как могла спокойно прошептала она. – Со всяким беда случиться может. Ты мне зверем доверился, так доверься и человеком.

И, что уж скрывать, сама она к нему наклонилась. К синим, как васильки, глазам, к бледной коже, к губам... Легонько погладила по уху, как того медведя.

А Рьян как вскочит! Как зарычит! Ну чисто оборотень!

– Не тронь!

– Ты что?!

– Не тронь! Ведьма! Бессловесного зверя ты околдовала так, что я и не думал послушаться!

Но всё ж во мне пока осталось что-то настоящее! Мало я от вашей сестры натерпелся, так теперь ещё и ты?!

Йага ответила спокойно, хоть пламень злости удалось лишь спрятать, а не погасить.

– От меня ты лиха не видел. Но, коли не уймёшься, это и поправить можно!

Рьян вдруг мигом остыл. Улыбнулся, кивнул сам себе, ровно увидел давно искомое.

– Вот так-то, – сказал он, ни к кому не обращаясь. – Так-то.

Глава 8

Людые

О том, как Рьян в Чернобор возвращался, и вспомнить стыдно. Как выпускала его Йага обратно в лес из Безлюдья, как он старался не глядеть на неё. Как голый пробирался по ельнику, как отбивался от невесты откуда взявшегося в холод комарья. А уж как задворками да чужими огородами лез до дома усмаря, так хоть смейся! Но смеяться молодцу, прямо скажем, хотелось всего меньше. Особенно когда он ввалился в избу, а добродушный кожевник как давай хохотать!

– Что, неужто снова кому-то из ревнивых мужей попался? Ну ты одежду к себе хоть ремнём привязывай, коли снова и снова на одни грабли...

Усмаря величали Радам. Хороший был мужик. Он-то уже две седмицы как и приютил северянина.

«А что, – сказал, – работника я так и эдак искал, а ты парень неплохой. Жаловаться, смотрю не привык. Только гляди, работа нелёгкая!»

Вот так и стала случайная встреча в харчевне, где Рьян на последние медьки поесть собирался, судьбоносной. Дал Рад новому знакомцу не только работу, но и кров. И одежду на первое время. Ведь, как был уверен усмарь, за рыжим лишь один грех водился – ходил к мужним бабам. И многожды попадался, раз возвращался домой в чём мать родила. Рьян, ясно, не спорил.

Работа в самом деле была нелёгкая. Шкуры требовалось выскоблить, замочить да пропитать. А уж выделка и вовсе сплошное наказание! Надобно также было дров наколоть, мелкий ремонт, коли случалась такая необходимость, сделать, товары отнести на торг да принести с торга. Жил Рад бобылём, иных помощников у него не водилось. Ну да и Рьян от тяжкого труда не бегал. Только к вонючке никак не умел притерпеться, ведь с малых лет привык к чистоте и порядку. Ну да не беда. Прежде, чем до Чернобора добраться, он и в лесах успел попрятаться, и в стогах поночевать. Теперь его вонючку не проймёшь.

Вот и на этот раз он пожал плечами и привычно пошёл в спаленку – натянуть что на голое замызганное тело.

Рад продолжил подшучивать над парнем в пышные усы. Кому другому Рьян бы не спустил, но с ним в драку не лез. Наперво, потому что отплатить за добро собирался, чтоб в долгу не оставаться. А ещё оттого, что кожевник был на диво широкоплеч и силен, и ещё неизвестно, кто бы из той драки победителем вышел.

– Там в казанке каша осталась, – буркнул Рад, склоняясь над столом. Становился он малость подслеповат, и тонкая работа давалась ему всё тяжелее. Однако плести затейливые узоры из кожаных тесёмок не переставал. – И пирога возьми под полотенцем, сосед приносил. Опосля дров наколешь и шкуры в бочках проверишь. Ежели рано ещё вытаскивать, отдохнёшь.

Рьян смолчал. С тем, что им распоряжается какой-то усмарь, он смириться никак не мог, да и не собирался. Не приснились же времена, когда он сам раздавал холопам команды... Ну да что о былом.

Наскоро умывшись, он поел и пошёл во двор. Двор у Рада был под стать хозяину – большой, заваленный где стружками, где обрезками кож. И отгороженный от улицы высоким забором, сделанным на совесть. Чтоб ни ворьё не залезло, не подглядело секретов выделки, ни собаки. Здесь Рьян любил трудиться всего больше: никто не мешается, под руку не лезет. Здесь же изредка упражнялся с палкой, представляя её мечом. На настоящее оружие он покамест не заработал, но и забывать, за какой конец его держать, не хотелось.

Нынче же Рьян взялся за инструмент неохотно. Зудело что-то под сердцем, тревожило. Всюду мерещились жёлтые чародейские глаза, лишаящие воли. У медведя-то умишка немного, потому ведьма легко его зачаровала. И слушался её могучий зверь, как щеня доверчивая. А бабам доверять не след, что уж тут непонятного?!

Но как всё-таки легко и дурно сделалось, когда лесовка над ним колдовала! Разом обида забылась и все годы, что Рьян провёл добровольным пленником в чужой стране! Не страшна стала липкая чернота проклятья и даже сестра...

Рьян так вдавил по чурбачку, что тот разом развалился на две равных щепочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.